

В.А.Никонов

АФЕРА

» ИРАН «

КОНТРАС «

Семь ступеней
беззакония
Радетели
«КОНТРАС»
Подозреваются все

Издательство
Московского
университета

В.А.НИКОНОВ

**АФЕРА
»ИРАН-
КОНТРАС«**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

1987

Рецензенты:

И. А. Геевский, доктор исторических наук,

А. А. Мишин, доктор юридических наук

В книге раскрываются истоки и развитие крупнейшего политического скандала в Соединенных Штатах Америки в период президентства Рейгана. На основе разнообразных источников, включая материалы комиссии Тауэра по расследованию «ирангейта», автор ярко освещает детали тайной сделки о продаже американского оружия Ирану и незаконной операции правительства США по дальнейшему финансированию никарагуанских «контрас».

Для широкого круга читателей.

Н $\frac{080500000-163}{077(02)-87}$ КБ—23-2-1987

© Издательство Московского университета, 1987 г.

Введение

«Ирангейт». Это слово, поначалу непривычное, в конце 1986 г. практически ежедневно стало появляться в заголовках статей американских газет и изданий всего мира. Первой искрой, разжегшей политический пожар, стало сообщение ливанского журнала «Аль-Шираа» от 3 ноября о снабжении Соединенными Штатами иранского режима новейшим вооружением. Через три недели министр юстиции США Эдвин Миз объявил, что часть прибыли от сделок с Ираном по каналам президентского Совета национальной безопасности (СНБ) поступала «контрас», воюющим против конституционного правительства в Никарагуа. Ставшие достоянием гласности факты незаконной продажи американского оружия Ирану, нелегального финансирования никарагуанских контрреволюционеров, попытки администрации Рейгана путем недомолвок и подтасовок скрыть подлинные обстоятельства дела — все это привело к самому грандиозному в Соединенных Штатах за последнее десятилетие политическому скандалу. Страна, неизменно кичившаяся своим «демократизмом», «приверженностью» идеалам свободы и международного права, вновь предстала перед мировым общественным мнением в своем подлинном, неприглядном обличье.

Президента, досиживающего последние годы в Белом доме, американцы обычно называют «хромой уткой». Имеется в виду, что к концу срока пребывания у власти глава государства часто успевает растерять значительную долю своего политического капитала, порядком поднадоесть избирателям и потому не способен на осуществление новых крупных инициатив.

Казалось, чаша сия минует Рональда Рейгана. До «ирангейта» его гораздо чаще называли «тефлоновым» президентом, чем «хромой уткой». Как к сковородке с тефлоновым покрытием не прилипают котлеты, так и к нему не приставали обвинения в провалах и грязных делах его администрации. Рейгану прощали многое. И то, что американская экономика, обремененная астрономическим государственным долгом, дефицитом внешнеторгового баланса, хронической безработицей, отнюдь не воспарила к сияющим высотам процветания, которые обещал президент. И сокращение социальных программ, ударившее по малоимущим слоям населения, и резко увеличившееся число нищих и бездомных в самом богатом капиталистическом государстве. И слепое следование интересам военно-промышленного комплекса, и тайное минирование портов в Никарагуа, и посещение нацистского кладбища в Битсбурге, и кампанию дезинформации с целью подрыва

позиций руководства Ливии и бомбардировки ее территории, и «забывчивость» после Рейкьявика, и бесконечные ошибки и многое другое. Всякий раз Рейган сохранял престиж в глазах американцев благодаря своим незаурядным риторическим способностям и умению убеждать миллионные аудитории телезрителей в «справедливости» любых политических акций Вашингтона. Демагогическая кампания за «моральное и религиозное возрождение» Америки заставляла многих верить, что наконец-то у руля государства появился порядочный человек, способный избавить США от бесконечной цепи грязных политических скандалов, предотвратить моральную деградацию общества. Призывы Рейгана вернуть Соединенным Штатам позиции гегемона в мире находили немалый отклик у зараженной шовинизмом части населения, которая привыкла к чрезмерно преувеличенному взгляду на роль, которую США должны играть в международном сообществе. Многочисленные представители «средней», «добропорядочной» Америки воспринимали его как «твердого» руководителя, знающего, что нужно стране, и ведущего ее по верному курсу.

«Ирангейт» в считанные недели сбил «тефлоновое» покрытие с деяний президента. На сей раз ему не удалось с прежней легкостью «выйти из штопора». Размах незаконных операций, проводившихся с санкции Белого дома, ложь и лицемерие самого Рейгана и многочисленных представителей республиканской администрации породили серьезные сомнения в ее способности управлять страной. Начавшаяся «оргия расследований» аферы «Иран-контрас» конгрессом, средствами массовой информации на какое-то время фактически парализовала правительство. «Ирангейт» зажил самостоятельной жизнью. Почти каждый день выявляются новые факты, проблемы, которые не дают скандалу затухнуть. Немалую толику драматизма в ситуацию внесли попытка бывшего помощника президента по национальной безопасности Роберта Макфарлейна покончить жизнь самоубийством, спешное отстранение от дел многих высокопоставленных правительственных чиновников.

Сейчас фактическая сторона «ирангейта» еще не ясна до конца, да и вряд ли когда-нибудь удастся узнать все его детали. Скандал вторгся в самые деликатные сферы внешнеполитического механизма США: в область планирования и осуществления тайных подрывных операций против независимых государств и их законных правительств, в область деятельности ЦРУ и других разведывательных органов. Поэтому очевидно, что уже завершённые и продолжающиеся расследования откроют лишь небольшую часть «ирангейтского» айсберга. Но и сейчас имеющиеся сведения достаточны для воссоздания относительно стройной картины этого скандала.

Помимо американской прессы важнейшим источником для написания настоящей работы явились материалы комиссии Тауэра,

которая была создана президентом 1 декабря 1986 г. на волне общественного возмущения фактами противозаконной деятельности правительства. Комиссия (в ее состав вошли бывший сенатор-республиканец из Техаса Джон Тауэр, бывший помощник президента Джеральда Форда по национальной безопасности генерал Brent Скаукрофт и бывший сенатор-демократ и госсекретарь в последний год правления администрации Джеймса Картера Эдмунд Маски) получила весьма ограниченные полномочия. Она должна была исследовать роль СНБ в этой афере и дать рекомендации по совершенствованию его функционирования. Установка президента подготовить отчет комиссии в кратчайший срок, отказ ключевых свидетелей дать показания, недоступность многих засекреченных документов и уничтожение других не позволили ей провести расследование достаточно тщательно. Да и после того, как отчет был готов, его просмотрели представители ЦРУ, Пентагона, госдепартамента и других «заинтересованных» ведомств, которые запретили публикацию многих материалов по соображениям «национальной безопасности». Комиссия Тауэра была настроена отнюдь не враждебно к президенту, но приведенные ею фрагменты показаний 80 свидетелей и документов говорили сами за себя: Рональд Рейган представал, по существу, главной движущей силой этой аферы.

Семь ступеней беззакония

Прежде чем начать описание всей цепочки противоправных сделок администрации Рейгана с Ираном, хотелось бы ответить на вопрос о том, какие побудительные мотивы толкнули правительство США на этот, как оказалось, весьма опрометчивый шаг. Ведь если судить по публичным заявлениям президента и членов его кабинета, то Соединенные Штаты испытывали, мягко говоря, острую неприязнь к Тегерану.

После свержения там в январе 1979 г. шахского режима, который был надежным проводником американского влияния на Среднем Востоке и послушным военным союзником США, американо-иранские отношения стали исключительно напряженными. В ноябре 1979 г., когда сотрудников посольства США в Тегеране захватили в качестве заложников, Соединенные Штаты заморозили иранские авуары в своих банках, ввели эмбарго на торговлю с Ираном и разорвали с ним дипломатические отношения. 19 января 1981 г. было достигнуто соглашение об освобождении заложников, и США отказались от мер по бойкоту Ирана, но сохранили в силе запрет на продажу ему оружия. В отношении разразившейся ирано-иракской войны рейгановская администрация на словах заняла позицию «нейтралитета» и неоднократно призывала союзников по НАТО воздерживаться от поставок вооружения обеим воюющим сторонам. Вместе с тем США никогда не прекращали антииранской пропаганды и не отказывались от попыток вмешательства во внутренние события в Иране. «Вашингтон пост» сообщала, что ЦРУ щедро финансировало деятельность антиправительственных иранских организаций. Так, бывший командующий ВМФ Ирана А. Мадани признавался, что получал от США деньги для борьбы против режима Хомейни. После первых сообщений о причастности Тегерана к захватам американских заложников на Ближнем Востоке государственный секретарь США Джордж Шульц официально объявил Иран страной, поддерживающей международный терроризм. Да и потом, в самый разгар «ирангейта», вице-президент США Джордж Буш заявлял: «Сердца американцев полны совершенно понятной враждебностью, поистине ненавистью к Ирану Хомейни. Я сам испытываю те же чувства. Их испытывает и сам президент».

Так что же заставило Рейгана действовать вразрез с объявленной им политикой «нейтралитета» в ирано-иракской войне, борьбы с «международным терроризмом» и вопреки собственным эмоциям? Прежде всего — логика антикоммунистических устремлений республиканского руководства. Оно положило в основу

своей политики принцип грубой военной силы, «неоглобалистские» претензии на некое «право» беспардонно вмешиваться в дела других стран, в первую очередь афро-азиатских и латиноамериканских, по своему усмотрению решать, какие правительства «законны», а какие «незаконны». Поучая народы всего мира, как им строить свою судьбу, нынешнее правительство США разворачивает «крестовый поход» против социализма и прогресса, сеет смерть и разрушение за многие тысячи километров от Соединенных Штатов во имя реализации имперских принципов «неоглобализма», поддерживает силы самой оголтелой реакции по всему земному шару. «Цитадель международной реакции — империализм США, — записано в новой редакции Программы КПСС. ... — Претендуя на мировое господство, он самозванно объявляет целые континенты зонами своих «жизненных интересов». Проводимая им политика гегемонизма, диктата, навязывания неравноправных отношений с другими государствами, поддержки репрессивных антинародных режимов, дискриминации неугодных США стран дезорганизует межгосударственные экономические и политические отношения, препятствует их нормальному развитию».

Всю деятельность администрации Рейгана пронизывают презрение к международному праву и стремление разрушить систему межгосударственных договоров и соглашений, созданную в 70-е годы, черно-белое видение мира (где черное объявляется белым и наоборот) и самонадеянность силы. «Тефлоновый» президент добивается установления американского «мирового лидерства», не гнушаясь никакими средствами и не взвешивая их на весах законности или элементарной порядочности. Популярный политический обозреватель Э. Льюис писал по поводу «ирангейта»: «Это наглядный пример непрекращающихся попыток Соединенных Штатов избавиться от ограничений, установленных конституцией, и дать президенту возможность править внешнеполитическими делами так, как будто это ниспосланное ему богом право». Белый дом цинично использовал все имевшиеся в его распоряжении рычаги для разжигания ирано-иракской войны и удушения сил, борющихся за свободу и независимость в Никарагуа. «Ирангейт», таким образом, стал плодом «неоглобализма».

В «неоглобалистской» стратегии проблемам расширения американского влияния на Среднем Востоке, занимающем важное геостратегическое положение, отводится одно из первых мест. События, приведшие к «ирангейту», показали, что администрация Рейгана готова поступиться многими официально провозглашенными принципами, чтобы попытаться возродить свое воздействие на политику Тегерана и направить ее в антисоветское русло. «Желание установить сейчас контакты с иранцами, — говорил в начале 1987 г. Дж. Шульц, — объясняется географическим положением их страны, тем обстоятельством, что у них протя-

женная граница с Советским Союзом, что они, как и мы, встревожены советской оккупацией Афганистана, другими словами, что у нас есть определенные общие стратегические интересы». Вашингтонские аналитики полагали, что внутри иранского руководства достаточно сильна фракция «умеренных», которая рано или поздно придет к власти, и считали необходимым расположить ее к Соединенным Штатам.

Определенную роль в налаживании контактов США с Ираном сыграли надежды администрации добиться таким путем освобождения нескольких американских заложников, которые были захвачены в Ливане экстремистской шиитской группировкой «Хизбалла», находящейся под политическим контролем Тегерана. «По моему убеждению, налицо весьма убедительные признаки того, что Иран во многом управляет событиями, определяющими судьбу наших заложников», — говорил Дж. Шульц. Особое рвение в попытках освободить их проявляло ЦРУ, имевшее на то весьма веские причины. 16 марта 1984 г. в Бейруте был похищен резидент американской разведки Уильям Бакли. Как писала «Вашингтон пост», это заставило ЦРУ паниковать целый год. Как бы то ни было, вступая в переговоры о судьбе заложников, США демонстрировали еще раз свое лицемерие. Ведь Рейган постоянно клялся, что никогда не станет говорить с террористами о выкупе заложников, а на деле и говорил, и выкупал.

При рассмотрении побудительных мотивов, приведших администрацию к сделке с Ираном, нельзя обойти вниманием роль Израиля, который настойчиво советовал Рейгану начать этот торг. Президент позднее не избежал соблазна свалить свои грехи на Израиль, который-де и выступил в качестве «змея-искусителя». Конечно, смешно предполагать, что Тель-Авив в состоянии руководить шагами правительства в Вашингтоне. Но безусловно, что Израиль, имевший свои, во многом не совпадавшие с США, интересы на Среднем Востоке, добивался от Соединенных Штатов возобновления ими военных поставок в Иран. Еще с 50-х годов Израиль стал развивать отношения с ведущими неарабскими странами, граничащими с ближневосточным регионом, в том числе и с Ираном. Но после падения шаха режим Хомейни занял отчетливые антиизраильские позиции. Израиль не хотел терять надежды на возвращение своих отношений с Ираном к лучшим временам и с начала ирано-иракской войны стал осуществлять тайные поставки вооружений в Иран, считая его менее опасным противником, чем Ирак.

Сказанное выше помогает понять, почему в Совете национальной безопасности США был поднят вопрос о возможности изменения американской политики в отношении Ирана.

Совет национальной безопасности, ставший главной пружиной аферы «Иран-контрас», занимает определяющее место в числе государственных органов США, ведающих вопросами внешней

и военной политики. В его состав входят собственно СНБ, его межведомственные комитеты и аппарат во главе с помощником президента по национальной безопасности. Членами СНБ согласно закону от 1947 г. являются президент (он же его председатель), вице-президент, государственный секретарь (соответствует министру иностранных дел) и министр обороны. На заседания СНБ обычно приглашаются директор ЦРУ (официальный титул — директор центральной разведки) и председатель Объединенного комитета начальников штабов. СНБ является совещательным органом при президенте, которому принадлежит право принимать окончательные внешнеполитические решения. Вспомогательные межведомственные комитеты, действующие при СНБ, создаются из представителей различных министерств и агентств и занимаются в основном аналитической работой, связанной с вопросами внешней политики и разведки. Наконец, состав аппарата СНБ и полномочия помощника президента по национальной безопасности, которые не закреплены законодательно, зависят в значительной мере от воли каждого конкретного хозяина Белого дома. Пост помощника президента по национальной безопасности был создан Дуайтом Эйзенхауэром в 1953 г., и первоначально в компетенцию этого чиновника входила лишь подготовка повестки дня и документов для заседаний СНБ. Но постепенно лица, занимавшие сию должность, превратились в исключительно влиятельные фигуры в иерархической лестнице официального Вашингтона. Такие люди, как Макджордж Банди и Уолт Ростоу в администрациях Джона Кеннеди и Линдона Джонсона, Генри Киссинджер при Ричарде Никсоне или Збигнев Бжежинский в годы правления Дж. Картера, обладали фактически бóльшим влиянием на внешнеполитический курс США, чем министры. Имея свой офис в Белом доме рядом с Овальным кабинетом главы государства, помощник президента по национальной безопасности получает уникальную возможность ежедневного доступа, если использовать американский политический жаргон, «к уху президента». Каждое утро он докладывает президенту последние разведсводки, обобщает меморандумы и аналитические записки по военно- и внешнеполитическим вопросам, поступающие из различных министерств, определяет порядок рассмотрения многих из них. Помощник по национальной безопасности нередко отправляется с дипломатическими миссиями для встреч с министрами иностранных дел и даже с главами государств и правительств других стран.

Рональд Рейган поначалу намеревался в своей внешнеполитической деятельности опираться на министерства. Его первый помощник по национальной безопасности Ричард Аллен чаще всего вынужден был подавать ежедневные отчеты президенту через руководителя аппарата сотрудников Белого дома. Положение изменилось в 1982 г., когда преемником Аллена был на-

значен давний приятель Рейгана Уильям Кларк. Этот помощник по национальной безопасности получил свободный доступ в Оваль-ный кабинет, и такая процедура сохранилась и после ухода Кларка в 1983 г.

Новым помощником президента стал Роберт Макфарлейн, одна из ключевых фигур в «ирангейтских» событиях. Потомственный политик, сын конгрессмена-демократа от штата Техас, он закончил военно-морское училище в Аннаполисе, изучал между-народные отношения в Женеве. После этого Макфарлейн до-служился в морской пехоте до чина подполковника и ушел в отставку. В вашингтонские коридоры власти он попал при Никсоне и в первой половине 70-х годов занимал ряд второ-степенных должностей в аппарате Белого дома, госдепартаменте и СНБ. В годы президентства Картера его отправили командо-вать подразделением морской пехоты на Окинаве, откуда он вер-нулся в 1979 г. и вновь бросился в море политики. Макфарлейн стал сотрудником сенатского комитета по делам вооруженных сил, советником в государственном департаменте, а затем был назначен заместителем Кларка. Оказавшись на посту помощника президента по национальной безопасности, Макфарлейн, после-довательный приверженец гегемонистского курса Рейгана и энер-гичный администратор, рьяно взялся за разработку новых идей и направлений внешней политики США. Одним из таких на-правлений стало иранское.

Комиссия Тауэра в своем отчете выделила семь основных этапов в процессе американо-иранского «сближения» в 80-е годы. Эта периодизация, на наш взгляд, вполне убедительна, и автор будет в основном ей следовать при изложении событий, при-ведших в конечном счете к «ирангейту».

Итак, на *первом этапе*, который приходится на 1984 г., в Ва-шингтоне развернулась аналитическая работа по пересмотру иран-ской политики США. В начале года Макфарлейн получил от директора отдела СНБ по проблемам Ближнего Востока и Южной Азии Джоффри Кемпа меморандум, где содержалась рекомен-дация изменить подход Соединенных Штатов к Ирану. Кемп писал, что «правительство Хомейни представляет угрозу аме-риканским интересам» и необходима активизация против него тайных операций. В этой связи он сообщал, что иранские эми-гранты, с которыми он имел дело, надеются «с иностранной по-мощью посадить прозападное правительство» в Иране. 31 августа Макфарлейн обратился к межведомственной комиссии с просьбой подготовить исследование перспектив американо-иранских отно-шений «после Хомейни». В представленном Макфарлейну 19 ок-тября документе было отмечено, что Соединенные Штаты не имеют контактов с влиятельными лицами в Тегеране, через которых можно было бы воздействовать на политику иранского руко-водства. Вместе с тем в этом межведомственном исследовании

уже говорилось о возможности возобновления поставок оружия Ирану, если со стороны последнего будет выражено желание нормализовать отношения с США.

В 1984 г. попытки установить контакт с иранскими «умеренными» элементами предпринимались Центральным разведывательным управлением. Не названный в отчете комиссии Тауэра начальник ближневосточного отдела оперативного директората ЦРУ сообщал: «Мы получали 30—40 предложений в год от иранцев и иранских эмигрантов снабдить нас первоклассной разведывательной информацией, обзорами внутривосточной ситуации в Иране, если мы сможем организовать продажу им дюжины боевых вертолетов «Белл», или тысячи противотанковых ракет ТОО, или чего-нибудь еще из списка контрабандных товаров». В ноябре сотрудник ЦРУ Теодор Шекли встретился в Гамбурге с бывшим начальником контрразведки в шахской охране «Савак» М. Хашеми, и тот представил ему М. Горбанифара, которому впоследствии выпало сыграть немаловажную роль в «ирангейтской» истории. Горбанифар, бывший офицер «Савак», одно время сотрудничавший с ЦРУ, являлся международным торговцем оружием, сохранившим связи в официальном Тегеране. Он знал, чем завоевать доверие американцев. По словам Шекли, Горбанифар «выразил опасение, что Иран может превратиться в советского сателлита через три или пять лет, если он и люди типа генерала Хашеми не сделают что-нибудь для изменения обстановки». Горбанифар без обиняков дал понять, что он готов взять на себя роль посредника на переговорах об обмене американских заложников на оружие. Шекли доложил о беседах в Гамбурге своему руководству, но оно сочло тогда фигуру Горбанифара не внушающей особого доверия.

На *втором этапе* развития событий, в первой половине 1985 г., Совет национальной безопасности продолжил попытки в рамках легальных каналов государственного механизма принятия внешнеполитических решений добиться сдвигов в подходе США к Ирану. Как уже отмечалось, представленное в октябре 1984 г. межведомственное исследование не привело к изменению американской политики, поэтому сотрудники СНБ Дональд Фортиер и Говард Тичер в тесном контакте с ЦРУ готовили очередные документы для обоснования необходимости «сближения» с Ираном. В июне 1985 г. они предложили Макфарлейну развернутый проект директивы СНБ, который должен был пойти на подпись президенту. В нем в качестве долговременных целей политики США в отношении Ирана фигурировали следующие:

«1) восстановить умеренную и конструктивную роль Ирана в некоммунистическом политическом сообществе, в регионе Персидского залива и в мировой нефтяной экономике;

2) обеспечить сопротивление Ирана советской экспансии».

В Вашингтоне хорошо было известно, что Советский Союз

всегда стремился к добрососедству с Ираном и уж, конечно, никогда не вынашивал экспансионистских замыслов в отношении Среднего Востока. СССР с симпатией отнесся к освободительной борьбе иранского народа, решительно поддерживал антишахскую революцию, помог ей противостоять военному шантажу и блокаде. Но США намеревались делать все, чтобы не допустить развития нормальных отношений между СССР и Ираном.

Главным средством достижения поставленных в проекте директивы целей было названо поощрение «западных союзников и друзей оказывать помощь Ирану... Это включает в себя поставку определенных военных материалов». 17 июня 1985 г. Макфарлейн направил этот документ министру обороны Каспару Уайнбергеру, государственному секретарю Джорджу Шульцу и директору ЦРУ Уильяму Кейси. Не ставя под сомнение заявленные цели американской политики, и Шульц, и Уайнбергер в то же время не согласились с предложением о продаже оружия Ирану через третьи страны. Оказание военной помощи Ирану, писал Уайнбергер, «будет рассматриваться как чрезвычайно непоследовательная политика теми странами, которые мы просим воздерживаться от продажи оружия... и, возможно, приведет к изменению стратегического баланса в пользу Ирана, пока Хомейни еще имеет доминирующее влияние. Это, в свою очередь, негативно скажется на наших возрождающихся отношениях с Ираком». Что же касается Кейси, то он полностью согласился с наметками деятелей из СНБ.

Возражения министра обороны и госсекретаря были достаточно категоричными, чтобы заставить сотрудников СНБ отказаться от выработки дальнейших рекомендаций. Проект директивы так и не лег на стол президента. Протолкнуть планы военных поставок Ирану через формальный вашингтонский процесс принятия решений оказалось невозможно, и чиновники из Совета национальной безопасности и ЦРУ начали искать обходные «неформальные» пути. Направление этих поисков подсказал Израиль, ставший главным каналом, через который начали осуществляться американские сделки с Ираном на *третьем этапе* аферы.

Еще в начале 1985 г., по данным израильских источников, некое высокопоставленное лицо США отправилось в Тель-Авив, чтобы заручиться помощью Израиля в освобождении У. Бакли. Комиссия Тауэра также подтвердила, что в первые месяцы года состоялись встречи «различных сотрудников СНБ с израильскими» где обсуждались проблемы, связанные с Ираном.

В самом Израиле крайнюю заинтересованность в налаживании контактов с Ираном путем поставок ему вооружений проявлял тогдашний премьер-министр Ш. Перес. С января 1985 г. он неоднократно собирал на «военный совет» генерального директора МИД Израиля Д. Кимхе, своего помощника по вопросам борьбы с терроризмом А. Нира, торговцев оружием А. Швиммера

и Я. Нимроди. Последние были прекрасно осведомлены о том, какое именно оружие нужно Ирану — противотанковые ракеты ТОО и зенитные ракеты «Хок» американского производства. Но по соображениям политическим и чисто правовым Израиль не мог переправлять это вооружение третьей стране, не получив предварительного разрешения правительства Соединенных Штатов. Кроме того, Перес хотел иметь твердые гарантии, что США пополнят Израилю арсенал этих ракет после того, как часть из них окажется в Иране. Израильское руководство полагало, и не без оснований, что такие разрешение и гарантии от администрации Рейгана можно получить, если заинтересовать Вашингтон перспективой освобождения заложников (прежде всего У. Бакли) и усиления американского влияния в Иране.

Подготовка операции по доставке оружия в Иран велась Израилем одновременно в нескольких направлениях. Швиммер связался с миллиардером из Саудовской Аравии Д. Хашогги, предложив ему выступить ведущим маклером-финансистом. На роль посредника между Тель-Авивом и Тегераном был приглашен Горбанифар. Вскоре он привез в Израиль список оружия, которое требовалось предоставить в обмен на Бакли и, возможно, других заложников. В начале мая 1985 г. Перес встретился с первым из официальных американских эмиссаров, которого в материалах комиссии Тауэра и в других источниках называли по имени. Это был консультант СНБ Майкл Лидин, непосредственный подчиненный заместителя директора аппарата СНБ подполковника Оливера Норта. Лидин был послан в Тель-Авив самим Макфарлейном, и формально он должен был обсудить с Пересом состояние израильской разведывательной службы в Иране. Но содержание разговоров, естественно, выходило за эти рамки. Перес, по словам Лидина, прямо попросил его довести до сведения Макфарлейна намерения Израиля продать оружие Ирану в случае, если не последует возражений от правительства США. По возвращении в Вашингтон Лидин информировал помощника президента по национальной безопасности о своих переговорах, и вскоре Макфарлейн дал Лидину указание ответить Пересу: «О'кей. Но только это, ни слова больше».

Ответ Макфарлейна явно не удовлетворил израильского премьера. 3 июля 1985 г. он направил в США Д. Кимхе. В ходе беседы с Макфарлейном генеральный директор МИД Израиля заявил, что в Иране имеются влиятельные лица, которые через проверенного посредника (Горбанифара) выражали намерение добиваться улучшения отношений с Соединенными Штатами. Свидетельством «добрых намерений» этих иранцев могло бы стать освобождение американских заложников, а «платой» США за оказанную услугу — оружие.

Макфарлейн поспешил сообщить о состоявшихся переговорах Рейгану. «На следующий день или около того, — говорил Мак-

фарлейн, — я привлек его внимание к предложениям Кимхе, и президент воспринял их с большим энтузиазмом, возможно, даже с излишним энтузиазмом, учитывая, что в деле было много неопределенного». Рейган рекомендовал своему помощнику тщательно изучить израильские предложения.

Итак, Рональд Рейган вступает на сцену «ирангейтской» драмы (или фарса), по имеющимся к настоящему времени американским источникам, лишь в начале июля 1985 г. Однако трудно допустить, чтобы Макфарлейн и другие представители администрации ранее не информировали президента о существовавших в недрах Белого дома планах расширения американского влияния в Иране и о предполагаемых методах достижения этой цели. Журнал «Ньюсуик», например, сообщал, что в первую неделю июля 1985 г. Рейган направил тайное послание председателю иранского меджлиса Хашеми-Рафсанджани (кстати, позднее Рейган заявлял, что иранцы обратились к США первыми), который находился тогда с официальным визитом в Токио. Президент поблагодарил его за помощь в освобождении четырех американских заложников группировкой «Хизбалла» и выразил надежду на улучшение американо-иранских отношений. Совершенно очевидно, что подобное послание не могло появиться на голом месте и что Рейган был хорошо осведомлен о проектах «сближения» с Ираном задолго до того, как Макфарлейн сообщил ему о своих переговорах с Кимхе.

13 июля 1985 г. Макфарлейн получил от Переса уже прямое послание. Доставивший его Швиммер клялся, что контрагенты Израиля в Тегеране смогут добиться вызволения всех захваченных в Ливане американцев, если в Иран поступят 100 ракет ТООУ, и что это послужит поводом для начала «частного» американо-иранского диалога. Макфарлейн, которому явно не терпелось убедить президента в целесообразности подобной сделки, в тот день не мог с ним встретиться. Рейгану делали операцию по удалению раковой опухоли в военно-морском госпитале в Бетесде (в котором окажется Макфарлейн в феврале 1987 г. после попытки самоубийства и где он будет давать показания комиссии Тауэра). Макфарлейн направил депешу Дж. Шульцу, в то время совершавшему вояж по Австралии. Госсекретарь отреагировал незамедлительно. Он предложил Макфарлейну «проявить сдержанный интерес» к посланию Переса, но не брать на себя никаких обязательств: «Ответ должен быть позитивным, но пассивным». Туманная формулировка свидетельствовала о боязни Шульца ввязываться в эту весьма сомнительную с точки зрения закона затею.

Когда президент немного оправился, через пару дней после операции, Макфарлейн был у него в госпитале. Выслушав содержание послания израильского премьера, Рейган сказал: «Да. Начинайте». Данный факт подтверждали в своих показаниях

комиссии Тауэра и Макфарлейн, и присутствовавший во время беседы в госпитале руководитель аппарата Белого дома Дональд Риган. Именно после этой встречи Макфарлейн сообщил Кимхе, что «президент открыт для диалога с Ираном». Сам же Рейган так и «не припомнил», что еще в июле 1985 г. дал добро на реализацию израильского (точнее, американо-израильского) сценария.

2 августа Макфарлейн вновь принимал в Белом доме генерального директора МИД Израиля. На сей раз Кимхе требовал прямого ответа на поставленные в лоб вопросы. Первым из них был: «Собираются ли Соединенные Штаты сами снабжать Иран оружием?» Макфарлейн ответил, что, по его мнению, нет. Тогда Кимхе стал интересоваться, какой будет реакция США на продажу оружия Израилем и сможет ли он рассчитывать на американскую компенсацию за эти поставки. Макфарлейн обещал сообщить окончательное решение администрации после консультации с Советом национальной безопасности.

Все имеющиеся сейчас данные показывают, что в первые две недели августа 1985 г. такая консультация состоялась. Но никаких протоколов заседаний, где обсуждалась проблема поставок оружия из Израиля в Иран, не существует. Из соображений секретности никаких записей бесед не велось, и полагаться здесь можно только на свидетельские показания. Из них вырисовывается такая картина. После беседы с Кимхе Макфарлейн рекомендовал президенту созвать 6 августа заседание Группы планирования по национальной безопасности (ГПНБ). Этот орган был плодом административного творчества Рейгана. Поскольку на официальные заседания СНБ он имел обыкновение приглашать большое число людей, включая и многих сотрудников аппарата СНБ, президент предпочитал обсуждать самые деликатные вопросы в узком кругу, для чего и понадобилась ГПНБ. 6 августа к Рейгану, который еще недомогал после операции и председательствовал на заседании в пижаме, были приглашены Дж. Шульц, К. Уайнбергер, У. Кейси, Д. Риган, вице-президент Дж. Буш, Р. Макфарлейн и его заместитель адмирал Джон Пойндекстер. Помощник президента по национальной безопасности доложил о своих переговорах с израильскими эмиссарами. В ходе последовавшей дискуссии, вспоминая Макфарлейн, «президент мог выслушать ясное, прямое и основательное изложение взглядов всех приглашенных членов кабинета». Мнения разделились. За выдачу разрешения Израилю на продажу оружия высказалось большинство собравшихся. Против выступили министр обороны и в менее открытой форме государственный секретарь. «Я решительно возражал против всей этой идеи и говорил, что она не сработает, — описывал свою позицию Уайнбергер. — Я полагал, что ее реализация была сопряжена с большим риском». Как видим, он предостерегал о возможном провале операции,

но (и это показали последующие события) не был против того, чтобы рисковали другие.

Разногласия в ГПНБ не позволили Рейгану сразу прийти к определенному заключению. Вообще, одна из характерных черт его стиля руководства — принимать окончательное решение только на тех заседаниях, где царит полное единодушие. В противном случае президент сам через какое-то время сообщает свой вердикт заинтересованным лицам в правительстве. Так произошло и на этот раз, если верить версии Макфарлейна. По его словам, спустя несколько дней после заседания ГПНБ Рейган позвонил ему, чтобы заявить о своей согласии на продажу Израилем запрошенного Ираном оружия и соответствующую компенсацию Тель-Авиву. Макфарлейн на всякий случай напомнил президенту об оппозиции Шульца и Уайнбергера и о возможных сложностях в последующем публичном оправдании этого шага. Рейган ответил: «Я собираюсь защищать эту позицию... Я буду рад принять весь огонь на себя». Решение президента было выражено достаточно четко, и Макфарлейн передал его в Израиль. Он также проинформировал о нем всех членов СНБ (Шульц заявляет, что этого не помнит), с их стороны возражений не последовало.

Версию Макфарлейна подтвердил и Рейган в комиссии Тауэра 26 января 1987 г. Однако уже 11 февраля президент отказался от собственных слов. Он заявил комиссии, что, порывшись в своих записях, не нашел там никаких намеков на телефонный разговор с Макфарлейном в августе 1985 г. Рейган «припомнил», что давал санкцию лишь на возмещение оружия Израилю, и произошло это в сентябре (то есть когда первая партия ракет ТОУ уже ушла в Иран). В письме Дж. Тауэру от 20 февраля 1987 г. он написал по поводу противоречий в своих показаниях: «Я не помню. Точка».

У президента были веские основания проявлять «забывчивость» по поводу событий августа 1985 г. Дело в том, что до того времени речь могла идти «только о шагах, которые противоречили официально заявленной политике Вашингтона в отношении Ирана, свидетельствовали о пренебрежении администрации к общественному мнению своей страны и конгрессу (они оставались в полном неведении) и о лицемерии рейгановского окружения. На подобные «мелочи» в Белом доме не принято обращать внимания. Но, выдав разрешение на продажу американского оружия Ирану, пусть даже Израилем, Рейган преступил законодательство США. А в Америке не очень любят, когда нарушаются их внутренние законы. Международное право — не в счет.

Легальные аспекты «ирангейта» весьма запутаны, но попробуем в них разобраться. Основным статутом США, регулирующим продажу оружия за рубеж, является закон о контроле над экспортом оружия. В нем оговариваются условия, при соблю-

дении которых президент может дать согласие на реэкспорт вооружений американского производства в третью страну (в данном случае из Израиля в Иран). В числе условий есть и такое: должно быть получено письменное обязательство от третьей страны, что она не будет продавать это оружие (скажем, четвертой стране) без соответствующей санкции правительства Соединенных Штатов. Никаких письменных обязательств от Ирана, естественно, получено не было. Кроме того, президент должен *заранее* поставить в известность, опять-таки в письменной форме, конгресс, если сумма передаваемых вооружений составляет более 14 млн долл. Администрация Рейгана сейчас доказывает, что оружия в Иран продано на меньшую сумму, хотя, судя по многим имеющимся сведениям, она была много больше.

Другим статутом, под действие которого попадает афера с продажей оружия Ирану, является закон о национальной безопасности. В соответствии с его положениями директор ЦРУ и руководители других шпионских ведомств должны «полностью и сразу» информировать комитеты по разведке сената и палаты представителей о своей деятельности. Если по каким-то «высшим соображениям» такая информация задерживается, она должна быть представлена в «кратчайший срок». Никаких данных насчет тайных поставок оружия Ирану, которые, как мы увидим, осуществлялись при самом прямом участии ЦРУ, в соответствующие комитеты конгресса не поступало. Более того, согласно поправке Хьюза — Райана к закону о помощи иностранным государствам, ЦРУ не имело права начинать новые «значительные» операции до тех пор, пока президент не подпишет так называемого заключения по разведке. До января 1986 г. Рейган никакого заключения, где бы речь шла об Иране, не подписывал.

С какой стороны ни посмотреть, разрешение, выданное Израилю на продажу оружия, является более чем сомнительным с точки зрения Американских законов. Однако здесь есть одна тонкость. Если Рейган не давал санкции в августе 1985 г. (а он теперь настаивает на этом), то сделка сама по себе остается незаконной, но президенту тогда с чисто правовой стороны гораздо легче защищать свои позиции. В этом случае виноватыми оказываются скорее Макфарлейн, якобы самовольно вершивший всей операцией, и Израиль. Если же Рейган распорядился дать «добро» Израилю, то тогда вся ответственность ложится на него. Комиссия Тауэра пришла к выводу, что действительности соответствует второй вариант.

Но мы немного отвлеклись от событий августа 1985 г. Тогда в Белом доме те, кто проворачивал аферу с отправкой оружия в Иран, мало задумывались о легальности и порядочности. Там считали, что цель оправдывает средства, и с нетерпением ждали ее результатов, в первую очередь освобождения Бакли. 20 августа Макфарлейн послал Лидина в Лондон, где он передал

Кимхе секретный код, с помощью которого тот мог сообщать помощнику президента по национальной безопасности все новости, не опасаясь посторонних ушей. А 30 августа первая партия из 100 ракет ТОО оказалась в Иране. Однако освобождения заложников не последовало. Как сообщают израильские источники, Горбанифар кричал: «Мы договаривались о поставках 500 ракет, а вы прислали только 100». Израиль согласился добавить еще 400 ТОО. В начале сентября Кимхе позвонил Макфарлейну и сказал, что вскоре будет выпущен один из заложников. Так и случилось. 14 сентября в иранском городе Тебризе были разгружены доставленные из Израиля 408 американских ракет, а на следующий день на свободу вышел священник Бенджамин Уэйр, захваченный в Ливане шиитскими экстремистами.

Техническая сторона операции выглядела следующим образом. Саудовский миллиардер Хашогги клал крупную сумму денег на указанный ему израильцами счет в одном из швейцарских банков. На эти деньги закупалось оружие у правительства Израиля. Затем Горбанифар выдавал Хашогги на ту же сумму чек с отложенным (до специального разрешения) сроком получения денег со счета Горбанифара. После доставки и проверки качества оружия в Тебризе иранцы переводили деньги на счет Горбанифара в Швейцарию, и Хашогги мог получить деньги по чеку. Как видно из этой схемы, сами американцы на этом этапе аферы еще не имели никакого финансового «навара» от поставок ракет Ирану, хотя израильцы продавали их втридорога. Прибыль оседала в карманах посредников, а также в самом Израиле, который имел возможность пополнять свой арсенал ракет, закупая их у министерства обороны США по обычной цене. Осенью 1985 г. Уайнбергер дал указание своим ближайшим помощникам быть готовыми «возместить» Израилю ракеты, отправленные в Иран. При этом, сообщают некоторые из них, министр обороны заявил, что в данном вопросе он подчиняется против своей воли приказу президента. Другие помощники это отрицают.

В Белом доме явно были разочарованы итогами первой операции с оружием. Никаких каналов для расширения американского влияния в Иране не открылось, а Бакли так и не был освобожден. Впрочем, этого и не могло произойти: разведка США установила, что Бакли скончался за много месяцев до сделки. Неудивительно, что в конце 1985 г., на *четвертом этапе* аферы, высшие чины администрации несколько утратили к ней интерес. Их внимание было обращено на подготовку к 40-летию Организации Объединенных Наций, по случаю которого Рейган произносил очередную речь о «приверженности» Соединенных Штатов идеалам мира и международного права. Большая работа осуществлялась внешнеполитическим аппаратом в преддверии совет-

ско-американской встречи на высшем уровне в Женеве.

Но и американо-иранские отношения не выпали из сферы деятельности Совета национальной безопасности. Осенью 1985 г. одним из основных действующих лиц аферы «Иран-контрас» становится заместитель директора аппарата СНБ Оливер Норт. Еще в конце августа госдепартамент выдал ему подложный паспорт на имя Уильяма Гуди для использования «в деликатной операции в Европе, связанной с освобождением наших заложников в Ливане».

Подполковник морской пехоты Норт, писала газета «Интернэшнл геральд трибюн», «сделал себя незаменимым, являясь человеком дела в правительственной системе, которую он и некоторые другие считали беспомощной и ограниченной слишком многими легальными, философскими и эмоциональными рамками, оставшимися от прошлого десятилетия. Подполковник Норт стал фокусом тех сил в ЦРУ и министерстве обороны, которые были полны решимости восстановить волю Америки и способность действовать быстро и тайно против террористов и коммунистических элементов». Уже после того как «ирангейтский» скандал набрал силу в Соединенных Штатах, многие (это явствует и из приведенной выше цитаты) старались представить его делом рук Норты и ряда других государственных чиновников, которым конституционные рамки казались слишком узкими для реализации их антикоммунистических устремлений. Безусловно, это не так. Даже Макфарлейн в одном из своих выступлений по радио в феврале 1987 г. подчеркивал: «Норт преданно исполнял то, что хотел от него президент». Стиль и методы Норты, «рыцаря плаща и кинжала», были стилем и методом всей администрации Рейгана.

В сентябре и октябре 1985 г. Норт и его помощник Лидин неоднократно встречались в Вашингтоне и во многих европейских городах со Швиммером, Нимроди и Горбанифаром (он представлялся как Николас Кралис). О содержании бесед известно очень немного: все эти люди умеют хранить секреты. Но после этих переговоров Кимхе привез Макфарлейну в начале ноября предложение об отправке третьей партии оружия в Иран. Речь уже шла о зенитных ракетах «Хок». Тогда же помощник президента по национальной безопасности положительно ответил на запрос израильского министра обороны И. Рабина о том, собираются ли США и далее «компенсировать» ракетный арсенал Израиля. Макфарлейн и Рабин договорились и о разработке деталей третьей сделки.

Сценарий ее готовился при активном участии Норты. Аппарат СНБ уже не хотел пускать дело на самотек. Норт представил адмиралу Пойндекстеру развернутый план операции. Согласно ему 80 ракет «Хок» необходимо доставить 22 ноября из Израиля в некую, не названную в материалах комиссии

Тауэра, третью страну (по единодушному заключению американских журналистов — в Португалию). Там оружие предусматривалось перегрузить на три специально зафрахтованных самолета, которые отправлялись бы в Иран один за другим с интервалом в два часа. Когда получение груза, доставленного первым самолетом, будет подтверждено Горбанифаром, иранцы должны дать команду освободить пятерых американских заложников в Бейруте. Другие два самолета не приземляются в Тебризе, пока заложники не попадут в посольство США в Ливане. В случае успеха операции и гарантий иранской стороны в том, что шиитские экстремисты не будут в дальнейшем похищать американских граждан, предполагалось доставить Ирану дополнительно 40 зенитных ракет.

План Норта по всей цепочке руководства был доведен до президента. Макфарлейн клянется, что Рейган его одобрил. Правая рука президента — Риган также признался комиссии Тауэра, что Рейган был заранее проинформирован об отправке ракет «Хок», но не утверждал сценария Норта. Сам же хозяин Белого дома вновь дал противоречивые показания. Сначала он сообщил, будто возражал против продажи зенитных ракет и якобы поэтому они были впоследствии возвращены Израилю. Но потом он стал страдать «провалом памяти» и заявил, что ничего не может припомнить в связи с поставками «Хок».

Действительно, вся партия ракет была возвращена Ираном, но не из-за мифических «возражений» президента, а совсем по другим причинам.

Прежде всего столь тщательно подготовленная Нортом операция с треском провалилась. 18 ноября И. Рабин позвонил Макфарлейну (он находился в Женеве вместе с Рейганом для участия в советско-американской встрече на высшем уровне) и сообщил о первых возникших проблемах в связи с реализацией плана. Макфарлейну некогда было разбираться с израильским министром обороны, и он переадресовал его Норту. Подполковник быстро вник в суть осложнений, которые касались организации перегрузки ракет в Португалии. По согласованию с Макфарлейном Норт на следующий же день командировал туда отставного генерала ВВС Ричарда Сикорда, агента ЦРУ и большого специалиста по нелегальным воздушным перевозкам. Вопреки его усилиям уже 21 ноября весь сценарий начал рассыпаться, как карточный домик. Правительство Португалии отказалось выдать разрешение на приземление на ее территории израильского самолета с грузом ракет на борту. Норт стал спешно искать выход. Он обратился к руководителю европейского отдела оперативного директората ЦРУ Д. Клэрриджу с просьбой мобилизовать все ресурсы американских спецслужб, чтобы заставить португальское правительство изменить свое решение. Клэрридж, которому, как и руководству ЦРУ, были хорошо

известны детали сделок с Ираном, приложил максимум усилий. Но они были тщетными. Тогда Норт попросил ЦРУ предоставить в распоряжение Сикорда какой-нибудь американский самолет для переправки оружия из Израиля в Португалию. Сделать это было несложно, и вскоре Клэрридж связал Сикорда с экипажем самолета, принадлежавшего ЦРУ. Но внесение корректив в ход операции привело к ее задержке. 22 ноября Швиммер сообщил из Португалии, что истек срок, в течение которого он мог держать на аэродроме три зафрахтованных для полета в Иран самолета, и он вынужден был их отпустить. Сикорду пришлось использовать «свой» самолет. ЦРУ потребовалось получать новые разрешения от правительств третьих стран на его пролет над их территориями. В итоге груз был доставлен в Тегеран с трехдневным опозданием и лишь одним самолетом, в котором было 18 ракет «Хок». Ни один из американских заложников не был освобожден, а от ракет отказались. В качестве одной из главных причин, по которым ракеты не устроили Иран, комиссия Тауэра назвала недовольство получателей их малым количеством, а также тем, что на них была израильская маркировка. Это исключало возможность их использования вооруженными силами Ирана, высшее руководство которого постоянно подчеркивало свою антиизраильскую линию. Журнал «Ньюсуик» приходил к выводу, что Израиль поставил устаревшие ракеты образца 60-х годов, а иранцы рассчитывали на современные.

Ноябрьская операция была первой в «ирангейтской» истории, в которой открытое участие приняло ЦРУ. И это участие противоречило американскому законодательству. Ведомство в Лэнгли (ЦРУ) могло предоставить свой самолет только в том случае, если вся акция проводилась на основе подписанного президентом заключения по разведке, как того требовала упоминавшаяся поправка Хьюза — Райана. Министр юстиции Э. Миз пришел позднее к однозначному выводу о незаконности действий ЦРУ в ноябре 1985 г.

Руководство ЦРУ прекрасно сознавало уже тогда, что преступало закон. Не случайно заместитель директора главного шпионского ведомства США Джон Макмэхон в конце ноября 1985 г. дал указание срочно подготовить проект заключения по разведке, чтобы хотя бы задним числом придать видимость законности участию ЦРУ в афере. Проект был передан Дж. Пойндекстеру, но президент его тогда не подписывал.

Казалось бы, провал плана Норта должен был охладить горячие головы в Вашингтоне. Но ничего подобного! Напротив, в «ирангейтской» истории начался новый, *пятый этап*, на котором Соединенные Штаты решили осуществлять прямые поставки оружия в Иран, минуя израильское посредничество.

Начало этого этапа ознаменовалось некоторой перестановкой

действующих лиц. 30 ноября в отставку подал Макфарлейн. Нет никаких свидетельств, что данный шаг был связан с «ирангейтом». Никто в Белом доме тогда особо не задумывался над тем, что афера обернется для его обитателей большими неприятностями. Сам Макфарлейн объясняет свой уход постоянными стычками по любому поводу с Д. Риганом и растущей изоляцией в администрации. «Президент восхищается людьми, которые стали богатыми и продемонстрировали большие достижения в избранной ими предпринимательской деятельности, — говорил Макфарлейн по поводу отставки. — Шульц, и Кап Уайнбергер, и Дон Риган, и вице-президент — все они были бизнесменами и достигли огромного преуспевания. Со мной был иной случай. Я сделал карьеру в бюрократическом аппарате, а потому не очень подходил. Нет никакой пользы от больших знаний в области контроля над вооружениями, если тебя никто не слушает».

Помощником по национальной безопасности 4 декабря 1985 г. Рейган назначил адмирала Джона Пойндекстера, работавшего в СНБ еще при Аллене в качестве военного советника, а затем перемещенного на пост заместителя Макфарлейна. В тот же день неутомимый Норт предложил Пойндекстеру новый план. Речь шла о поставках 3300 ракет ТОО и 50 «Хок» в Иран. Оружие должно было поступать в Тебриз пятью партиями, после получения каждой из которых на волю выходили бы по два заложника.

Пойндекстер счел необходимым обсудить очередной проект 7 декабря с президентом, Уайнбергером, Шульцем, Риганом, Макмэхоном и еще не сдавшим свои дела Макфарлейном. Шульц охарактеризовал совещание как первое по иранским делам, повестка которого была объявлена заранее и к которому участники могли подготовиться. При этом, вспоминая госсекретаря, Пойндекстер просил его не делать никаких записей в дневнике даже по поводу самого факта проведения совещания. Естественно, не существует и протокола. Из воспоминаний собравшихся в тот день в Овальном кабинете следует, что против плана СНБ вновь высказались только Уайнбергер и Шульц. Рейган впервые открыто отвел их возражения. Но президент вдруг «вспомнил», что всегда публично выступал против торга с террористами по поводу выкупа заложников. Поэтому в результате обсуждения родился компромисс, удовлетворивший всех присутствовавших. Было решено отправить Макфарлейна как уже неофициальное лицо в Лондон для встречи с Горбанифаром. Бывший помощник президента должен был сообщить ему, что США хотели бы освобождения заложников и «улучшения отношений» с Ираном, но не предлагать никакого оружия.

Макфарлейн в сопровождении Норта сразу же отбыл в Лондон, встретился там с Горбанифаром и изложил ему позицию правительства США. Конструктивного диалога не получилось. Горбанифар попросту отказался сообщать американское мнение

в Иран, поскольку, по его словам, известие о нежелании Соединенных Штатов разговаривать о продаже оружия приведет к немедленному убийству всех заложников.

С тем Макфарлейн и вернулся в Белый дом, где 10 декабря его доклада ждали президент, Уайнбергер, Кейси, Риган и Пойндекстер. Макфарлейн рассказал о безрезультатных лондонских переговорах, посоветовал не иметь больше дела с «темной личностью» Горбанифаром, вообще свернуть «иранскую инициативу» и покинул Овальный кабинет в полной уверенности, что его рекомендации были единодушно приняты. Действительно, все вроде бы согласилось с его выводами. Но в записях Кейси, оставленных после этой встречи, были и такие слова: «Я понял, что президент полностью не оставил мысль поощрять израильтян продолжать их дела с иранцами».

Директор ЦРУ был прав. «Инициативе» не дали угаснуть.

Возвратившийся из Лондона Норт привез иные, нежели его бывший босс, впечатления от беседы с хорошо ему знакомым Горбанифаром. Подполковник быстро подготовил меморандум для Пойндекстера, где предлагал осуществить прямые поставки оружия из США в Иран, приставив к Горбанифару для контроля за всеми его действиями генерала Сикорда. Помощник по национальной безопасности после совещания 10 декабря не дал хода этому меморандуму. Но и не запретил Норту вместе с Лидином и Сикордом встречаться на протяжении всего декабря с Горбанифаром и помощником израильского премьер-министра по вопросам борьбы с терроризмом А. Ниром. Трудно сказать точно, о чем они вели переговоры, но только 2 января 1986 г. Нир испросил аудиенции у Пойндекстера и изложил ему захватывающий план. Израиль дает команду освободить около 20 членов группировки «Хизбалла», которые захвачены марионеточным произраильским «правительством» на Юге Ливана, и поставляет Ирану 4000 ракет ТОУ (как видим, ставки растут). Взамен «Хизбалла» освобождает всех американских заложников в Бейруте.

Пойндекстер, как и Рейган, были в восторге от плана. На очередном заседании в Овальном кабинете 7 января они встретили полную поддержку также со стороны Дж. Буша, У. Кейси и Э. Миза. Впрочем, совещание было уже формальностью: еще накануне президент подписал заключение по разведке, дававшее зеленый свет возобновлению поставок Израилем американского оружия в Иран. В этом первом в «ирангейтской» истории документе, под которым стояла подпись главы государства, целями сделки США с Ираном объявлялись: «(1) насаждение более умеренного правительства в Иране; (2) получение важной разведывательной информации, которую нельзя получить иным путем, о намерениях настоящего правительства Ирана в отношении его соседей и террористических актов; (3) освобождение американских заложников в Бейруте». Для достижения провозглашенных целей

правительство США «будет поддерживать усилия третьих сторон и третьих стран по установлению контактов с умеренными элементами внутри иранского правительства и вне его через снабжение этих элементов оружием, оборудованием и другими материалами, чтобы повысить авторитет этих элементов в их усилиях по насаждению более проамериканского правительства в Иране путем демонстрации их способности добывать необходимые ресурсы для защиты страны от Ирака и интервенции Советского Союза». Комментарии, как говорится, излишни.

Рейган заявлял комиссии Тауэра, что, вероятно, подписал заключение по разведке 6 января 1986 г., не читая его и не представляя его содержания. Такую возможность нельзя полностью исключать, зная отвращение президента к длинным документам. Но, безусловно, он читал меморандум Пойндекстера, сопровождавший подготовленное в недрах ЦРУ заключение. А в меморандуме прямо было сказано: «Если это заключение будет подписано, мы не будем мешать израильтянам начать продажу и доставку ракет ТООУ в январе 1986 г. ...Иранцы срочно запросили 4000 ракет ТООУ для использования с уже имеющихся у них пусковых установок. Мы должны будем возместить Израилю их запасы в срок менее 30 дней». Президент не возражал.

А в период между 6 и 17 января в позиции Белого дома произошла резкая метаморфоза, которая могла объясняться только решением президента и никого иного. 17 января Рейган подписал еще одно заключение по разведке, которое было почти аналогичным предыдущему. Но коренным образом отличалось содержание меморандума помощника президента по национальной безопасности, приложенного к заключению. В нем говорилось, что Израиль теперь должен обеспечить лишь передачу оружия, которое поступит в Иран непосредственно из Соединенных Штатов: «Израиль осуществит подготовку продажи 4000 ракет ТООУ Ирану. Необходимые средства для покрытия расходов будут переведены агенту ЦРУ (по всей видимости, имелся в виду генерал Сикорд.— В. Н.). ЦРУ закупит оружие у министерства обороны и доставит его в Иран через своего агента». Сейчас Рейган не утверждает, будто он не знал сути этого меморандума. В его дневнике под датой 17 января 1986 г. стоят слова: «Я согласился продать ТООУ в Иран».

После подписания Рейганом этих документов в Белом доме воцарилось полное единодушие. Министр обороны и государственный секретарь перестали выражать свое робкое несогласие с «ирангейтской» аферой. Начался ее *шестой этап* — прямые поставки оружия из США в Иран.

Совет национальной безопасности незамедлительно принялся выполнять предписания президента. 18 января Пойндекстер, Норт, заместитель директора оперативного отдела ЦРУ Клэр Джордж, генеральный советник ЦРУ Стэнли Споркин начали готовить

план новой операции. Наибольшие опасения в тот период вызывал главный посредник — Горбанифар. Он давно был известен американской разведке. Еще в январе 1980 г. он установил контакт с европейской службой ЦРУ, предложил ей свои услуги и передал некоторую разведывательную информацию. Тогда ЦРУ пришло к выводу, что в ней «трудно отличить преувеличения и браваду от реальных событий», и не стало его вербовать. СНБ сомневался, не водит ли Горбанифар за нос и американцев, и израильтян, выдавая себя за влиятельное лицо в кругах иранских «умеренных». Когда вопрос о прямых поставках оружия из Соединенных Штатов встал в практическую плоскость, ЦРУ решило проверить Горбанифара, направив ему специальный тест-вопросник. Ответы Горбанифара, пропущенные через компьютеры в Лэнгли, показали, что доверять ему нельзя. Судя по всему, Горбанифар действительно был жуликом очень крупного, в прямом смысле — международного, масштаба и положил на свои банковские счета не одну сотню тысяч долларов, нисколько не сблизив США с «умеренными» в Иране и не добившись освобождения американских заложников. Но в Вашингтоне так сильно хотели довести аферу до конца, что не желали откладывать операцию из-за поиска новых посредников.

24 января 1986 г. Норт вручил Пойндекстеру план операции «Восстановление». Предусматривалось, что начнется она с передачи Соединенными Штатами Ирану разведывательной информации об иракских вооруженных силах. После этого Горбанифар переводит деньги за первую тысячу ракет ТООУ на израильский счет в швейцарском кредитном банке в Женеве, откуда они поступают в том же банке на другой счет, находящийся под контролем Сикорда. Поскольку Иран должен платить за оружие гораздо больше его реальной стоимости, Сикорд мог оставить часть денег на своем счете (эти деньги сыграют ведущую роль в следующей, никарагуанской, главе аферы «Иран-контрас»), а часть перевести на отдельный счет в ЦРУ. Оттуда они поступают в министерство обороны США, которое передает 1000 ракет ТООУ в распоряжение ЦРУ. Сикорд организует их переправку из США в город Эйлат на юге Израиля. Там они перегружаются в израильский самолет, который пилоты из ЦРУ приводят в иранский город Бендер-Аббас. На обратном пути они забирают ненужные Ирану ракеты «Хок». На следующий день освобождаются американские заложники в Бейруте, и США организуют в дальнейшем отгрузку еще 3000 ТООУ в Иран.

Этот план был утвержден, и первая партия из 500 ракет ТООУ была доставлена в Бендер-Аббас 18 февраля (тогда же были вывезены в Израиль ракеты «Хок»), а вторая (также 500 ракет) — 27 февраля. Но никто из заложников освобожден не был. Горбанифар объяснил недовольной американской стороне, что первая тысяча ракет предназначалась для «восстановления до-

верия к добрым намерениям США» в Иране, подорванного в ноябре 1985 г. поставками устаревшего оружия.

Хотя в меморандуме Пойндекстера от 17 января было записано, что США прекратят контакты с Ираном, если после отправки 1000 ракет ТООУ не будут освобождены заложники, на деле все обернулось иначе. И это как нельзя лучше свидетельствует о том, что освобождение заложников (а именно этой «гуманной миссией» администрация Рейгана стремится хоть отчасти оправдать сейчас свои действия перед американской общественностью) не было действительной целью Белого дома. Ему куда важнее было подлить масла в огонь ирано-иракской войны и попытаться усилить свое влияние в Иране.

В тот же день, когда все 1000 ракет оказались в Бендер-Аббасе, а заложники выпущены не были, адмирал Пойндекстер по указанию президента предложил Макфарлейну совершить конфиденциальный вояж для встречи с «высокопоставленными иранцами». Макфарлейн дал согласие, и подготовительная работа к намеченной встрече закипела. Пойндекстер провел серию совещаний с У. Кейси, К. Джорджем и другими руководителями ЦРУ, к которым вскоре присоединился Джордж Кейв, сотрудник шпионского ведомства, слывший экспертом по Ирану и знавший фарси. 8 марта Норт и Кейв встретились с Горбанифаром в Париже и заявили ему о желании американского правительства начать прямые контакты с представителями иранского руководства. Горбанифар обещал все организовать, но, в свою очередь, передал список из 240 наименований запасных частей для ракет «Хок», в которых Иран остро нуждался. 3 апреля Горбанифар объявился в Вашингтоне и беседовал с Нортом, Кейвом и некоторыми другими сотрудниками ЦРУ. По завершении переговоров Норт сообщил Макфарлейну, что подготовил для рассмотрения президентом план предстоявшей встречи с иранскими деятелями. Его удалось найти потом среди бумаг Норта, которые он не успел уничтожить. В соответствии с ним предполагалось, что ЦРУ закупает запасные части для ракет «Хок» и пересылает их в Израиль. Американская делегация во главе с Макфарлейном прибывает в Тегеран, через семь часов после этого освобождают заложников в Ливане, а через четырнадцать — в Бендер-Аббасе садится самолет с запасными частями.

18 апреля Пойндекстер отправил Норта во Франкфурт для согласования плана с Горбанифаром. Норту велено было передать, что «президента начинают очень раздражать постоянные затяжки». Дело действительно застопорилось. Встреча во Франкфурте по неизвестной пока причине не состоялась. Только 6 мая Норту и Кейву удалось увидеться с Горбанифаром в Лондоне. Горбанифар уверял, что «высшие иранские должностные лица» согласятся принять Макфарлейна только в случае, если он привезет с собой затребованные запасные части. Сошлись на том,

что в самолет Макфарлейна будет загружена четвертая их часть. Остальные привезут после освобождения заложников.

12 мая Пойндекстер обсудил детали визита в Тегеран с Рейганом. 15 мая президент утвердил детальную повестку дня переговоров Макфарлейна, предупредив о необходимости сохранения строжайшей секретности и предотвращения любых возможных «утечек» в прессу. ЦРУ обеспечивало доставку оружия, каналы связи и подготовку документов для встречи. Организационную сторону операции брал на себя находившийся в Израиле генерал Сикорд.

Наконец, 23 мая команда в составе Макфарлейна, Норта, Кейва, сотрудника СНБ Тичера и одного «координатора» ЦРУ отбыла из Соединенных Штатов в Тель-Авив. Там израильский премьер-министр настоял на включении в делегацию своего представителя — А. Нира, которого в Тегеране выдавали за американца. В столице Израиля в самолет, который был предоставлен ЦРУ, загрузили запчасти для ракет «Хок». Запаслись и другим подарком. Купили большой шоколадный торт.

Воскресным утром 25 мая самолет с американской делегацией, «усиленной» Ниром и Горбанифаром, приземлился в аэропорту Тегерана. Вопреки ожиданиям их никто не встречал. Горбанифар успокаивал пришедших в явное замешательство американцев, уверяя, что самолет прилетел раньше срока. Где-то через час, наконец, появились какие-то люди, которые отвезли Макфарлейна и его свиту в гостиницу «Хилтон», где к ним приставили усиленную охрану. Вечером того же дня начались переговоры. Их участников с иранской стороны Макфарлейн описывал как «неуверенных, напуганных и робких третье- и четвероградных официальных лиц». Об уровне беседы можно судить по донесению, которое Макфарлейн отправил из Тегерана в Вашингтон: «Это легче всего описать, сравнив с ситуацией, когда после атомной войны выживший монголо-татарин становится вице-президентом, аспирант — государственным секретарем, а букмекер — вершителем взаимоотношений с другими странами». Продуктивного диалога не вышло. Иранцы требовали недозвезенных запасных частей. Макфарлейн настаивал на освобождении всех заложников, его собеседники соглашались выпустить только некоторых из них, к тому же не сразу. В результате второй самолет с запчастями так и остался в Тель-Авиве, а заложники — в руках шиитских экстремистов. После еще двух дней безрезультатных переговоров Макфарлейн не выдержал и улетел в США. Запасные части для ракет из его самолета были уже выгружены, торт съеден «стражами исламской революции» в аэропорту. Встреча, которая замышлялась творцами внешней политики Соединенных Штатов как грандиозный дипломатический «прорыв» в американо-иранских отношениях, обернулась для них еще одним крупным провалом.

29 мая Макфарлейн, Норт и Тичер отправились с отчетом о поездке в Овальный кабинет, где помимо президента находились Буш, Риган и Пойндекстер. Макфарлейн решительно заявил, что все контакты с Ираном должны быть прекращены, особенно торговля оружием. С ним снова, как и в декабре 1985 г., все согласились.

И действительно, в «ирангейтских» событиях наступила пауза. В записях Родни Макданиэла, помощника Пойндекстера, который обычно сопровождал адмирала во время его ежедневных утренних посещений президента, зафиксировано, что 20 июня Рейган подтвердил свое решение не возобновлять сделки с Ираном до освобождения заложников.

На какой-то срок, если судить по имеющимся сейчас данным, основной движущей силой аферы оставались подполковник Норт, воспринявший неудачу майских переговоров как пощечину себе лично, израильтяне, которые не теряли надежд расположить к себе иранское руководство и выслужиться перед американцами, и Горбанифар, никак не желавший лишаться прекрасной «дойной коровы» в лице правительства США. Но и Рейгана постоянно держали в курсе дела. 18 июля Макданиэл записал, что помощник по национальной безопасности информировал президента о продолжавшихся контактах с иранским посредником.

Известно, что 21 июля Норт, Кейв и Нир встретились с Горбанифаром в Лондоне для обсуждения в очередной раз вопроса об освобождении заложников в обмен на так и не полученные Ираном полностью запасные части для ракет «Хок». А через пять дней в Бейруте вышел на свободу преподобный Лоренс Дженко. Трудно сказать, было ли это связано с деятельностью Норты и Горбанифара. Но и Пойндекстер, и Кейси в один голос уверяли президента, что связь была прямой. В Белом доме вновь воспряли духом. Рейган дал команду доставить в Тегеран обещанные запасные части ракет, и они благополучно прибыли туда 3 августа.

Неизвестно, как бы разворачивались события дальше, но в сентябре — октябре 1986 г. шиитскими экстремистами в Ливане в качестве заложников были захвачены один за другим три гражданина США. В Вашингтоне пришли к выводу, что главный виновник случившегося — Горбанифар, который, очевидно, не имел достаточного влияния, чтобы заставить иранское руководство отказаться от террористических актов против американцев. Горбанифар получил полный отвод, и взоры администрации США переместились на новый посреднический канал, что означало вступление аферы в ее *седьмой этап*.

Собственно, поиски нового «связного» с Ираном начались вскоре после провала майской миссии Макфарлейна. Подходящего человека разыскал в Лондоне А. Хаким, приближенный

генерала Сикорда. Любопытно, что, когда Сикорд ушел в отставку с официальной правительственной службы в 1983 г., он образовал вместе с Хакимом компанию «Стэнфорд технолоджи трейдинг групп интернэшнл». До этого Хаким, лицо иранского происхождения, был директором калифорнийской электронной фирмы, торговавшей секретной американской техникой в других странах. «Стэнфорд технолоджи» имела филиал в Швейцарии, причем по тому же адресу, что и «Компани де сервис ридюсер», на счет которой, по сообщению лондонской «Таймс», были положены миллионы долларов, вырученных от продажи американского оружия Ирану.

Так вот, Хаким и свел Сикорда с неким «родственником могущественного иранского деятеля», именуемым в американской печати «вторым каналом». Этот человек заявил, что был осведомлен о приезде Макфарлейна в Тегеран, главным виновником провала его миссии назвал «мошеника» Горбанифара и предложил американцам собственные услуги по налаживанию контактов в Иране. Сикорд довел информацию о «втором канале» до своего начальства, 9 сентября 1986 г. о нем узнал и Рейган. Явно не без санкции президента «второй канал» с двумя сопровождающими его лицами был приглашен в Вашингтон на 19—21 сентября, где был принят Нортом и Кейвом. Стороны нашли немало точек соприкосновения во взглядах на международные проблемы. Поговорили о «советской угрозе», о необходимости разжигать и дальше пламя необъявленной войны против Афганистана. Подкупив Норта и Кейва своими антисоветскими речами, иранцы попросили срочно снабдить их разведанными об Ираке и поставить им оружие. Норт ознакомился с предложенным ему списком необходимых Ирану военных материалов и выразил предварительное согласие выполнить все пожелания иранцев. «Второй канал» настолько понравился Норту, что он решил продавать ему ракеты ТООУ по 8 тыс. долл. за штуку, тогда как с Горбанифара брал по 10 тыс. Было решено также создать американо-иранскую комиссию из восьми человек для обсуждения деталей тайных сделок.

Президенту сообщили об итогах этих переговоров 23 сентября, и он приказал продолжить контакты. Рейган даже специально подписал экземпляр Библии, которую Норт, Кейв и Сикорд вручили «второму каналу» во время их следующей встречи во Франкфурте 5—7 октября. Там Норт позволил себе несколько раз процитировать заявления президента, которые тот делал в частных дискуссиях. Рейган, по словам Норта, был заинтересован в прекращении ирано-иракской войны «на условиях, приемлемых для Ирана», и называл главным источником осложнений на Среднем Востоке иракское руководство. Позднее президент заявит, что Норт нагло врал, приписывая эти слова ему, якобы стороннику «нейтралитета» в войне. Но как можно верить

Рейгану, если всеми своими действиями в 1985—1986 гг. он только подтверждал антииракскую позицию администрации США? Во Франкфурте Норт выдвинул серию требований, в их числе о выдаче в обмен на оружие всех заложников, возвращении в Соединенные Штаты тела Уильяма Бакли и наказании захвативших его лиц. «Второй канал» соглашался добиться освобождения одного, максимум двух заложников, если США продадут Ирану еще 500 ТОУ, запасные части для «Хок» или сами эти ракеты и будут регулярно предоставлять шпионскую информацию об иракской армии. Американскую сторону условия иранского посредника устроили.

Условия доставки первой партии оружия через нового связного обсуждались в том же составе и снова во Франкфурте 26—28 октября 1986 г. Эйфорические ожидания успеха будущей операции были несколько омрачены сообщением «второго канала» о том, что в газетенке группировки «Хизбалла», которая издавалась в Ливане, появились сведения о поездке Макфарлейна в Тегеран в мае 1986 г.

Но в Белом доме еще не чувствовали приближения аферы к ее логической кульминации и возможности грандиозного скандала. 29 октября Рейган утвердил отправку в тот же день 500 ракет ТОУ в Иран, совершив таким образом еще одно, мягко говоря, правонарушение. Дело в том, что 27 августа вступила в силу новая статья в законе о контроле над экспортом оружия, которая запретила продавать американское оружие странам, поддерживающим международный терроризм. В списке таких стран фигурировал Иран.

Но пока операция шла своим чередом. Правда, задержался перевод денег за ракеты на счет ЦРУ, и в Иран прибыли 500 ракет ТОУ из запасов Израиля, а не министерства обороны США, которое лишь через неделю прислало Тель-Авиву «компенсацию». «Второй канал» не подвел: 2 ноября был освобожден американский заложник Дэвид Джэкобсен.

Но уже на следующий день грянул гром. Публикация материалов о визите Макфарлейна в Иран в достаточно авторитетном ливанском журнале «Аль-Шираа» уже не могла пройти незамеченной. Источником «утечки» этой сенсационной новости можно с достаточной определенностью назвать самих иранских «умеренных». Видимо, поняв, что высшее руководство Ирана не простит им связей с «Великим сатаной» (так на языке официального Тегерана именуются Соединенные Штаты), они поспешили отвести от себя удар. Не случайно, в самом Иране об истории с Макфарлейном поведал публике один из «умеренных» — председатель меджлиса Хашеми-Рафсанджани. «Мы сказали им, — заявил он 4 ноября, — что не принимаем их подарков и нам не о чем разговаривать».

В Соединенных Штатах сообщение вызвало бурю негодования

и недоуменных вопросов. Журналисты ринулись за разъяснениями в Белый дом. Но Рейган дал указание всем членам правительства держать язык за зубами, что еще больше возмутило американскую и мировую общественность. Скандал стал неминуем. Однако тогда еще не было известно об оборотной стороне «ирангейтской» медали — о незаконном финансировании администрацией Рейгана никарагуанских «контрас» и использовании для этого средств, вырученных от продажи оружия Ирану.

Об этом — в следующей главе.

Радетели «контрас»

На долю стран Центральной Америки выпала нелегкая судьба, уготованная им постоянными имперскими притязаниями могущественного северного соседа — Соединенных Штатов. В более чем полуторавековой истории борьбы за расширение своего влияния в регионе США продемонстрировали практически все присущие их внешней политике методы: от прямых интервенций и «дипломатии канонерок» до «долларовой дипломатии» и «реформистских» потуг. Эти средства были призваны обеспечить территориальные захваты, «временную оккупацию» независимых республик, а также навязывать им кабальные соглашения и послушные Вашингтону режимы.

Никарагуа страдала от американского империализма ничуть не меньше, чем другие страны региона. По самым осторожным подсчетам, войска США оккупировали ее территорию семь раз на протяжении XIX—XX вв. После свержения там кровавой диктатуры Сомосы, которое пришлось на период президентства Дж. Картера, администрация Соединенных Штатов взяла курс на подрыв прогрессивного и независимого сандинистского правительства, объявив, что маленькая Никарагуа угрожает «жизненно важным интересам национальной безопасности США». Но предпринимать открытую интервенцию против Никарагуа Белый дом опасался: времена не те. В самих Соединенных Штатах общественность в подавляющей части выступала против новых военных авантюр. Никарагуанский народ проявлял готовность отстаивать до конца завоевания своей революции, чувствуя в этом поддержку социалистического содружества и несоединившихся стран. Осторожную позицию заняли западноевропейские партнеры США по НАТО, выступающие в целом за политическое урегулирование центральноамериканских проблем.

Администрация Рейгана, придя к власти, объявила о введении экономических санкций в отношении Никарагуа, предприняла попытку политического давления, добиваясь ее изоляции на международной арене. Когда эти меры не принесли желаемого результата, правительство США перешло к «тайной войне» против никарагуанского народа.

В декабре 1981 г. Рейган подписал заключение по разведке, разрешавшее ЦРУ начать финансирование антиникарагуанских сил. На эти деньги стали нанимать сомосовских недобитков, создавать на территории Гондураса разветвленную сеть баз «конт-

рас», щедрой рукой снабжать их оружием, боеприпасами, обмундированием, продовольствием и т. д.

Начало необъявленной войны против Никарагуа вызвало известную озабоченность конгресса США. Американские законодатели в большинстве своем одобряли цели администрации, страстно желавшей не допустить «второй Кубы». В этом президент и конгресс, стоящие на антикоммунистических позициях, едины. Но в то же время многие члены конгресса боялись, что рейгановское руководство может втянуть Соединенные Штаты в полномасштабную войну в Центральной Америке, во «второй Вьетнам». 21 декабря 1982 г. была принята поправка Боулэнда, согласно которой ЦРУ и министерству обороны запрещалось предоставлять средства «для свержения правительства Никарагуа или для провоцирования военного конфликта между Никарагуа и Гондурасом».

Всему миру хорошо известно, что и после этого Белый дом продолжал оказывать тайную поддержку «контрас». Сведения об этой незаконной деятельности просачивались и в американскую прессу, но громкого скандала не получилось: «тефлоновое» покрытие Рейгана все еще прочно оберегало его администрацию. В сентябре 1983 г. Рейган поставил свою подпись под заключением по разведке, вновь позволившим ЦРУ активизировать поставки для «контрас». Причем Рейган дал свое благословение на очередной тур подрывных операций именно в то время, когда средства массовой информации США были полны негодующих публикаций о причастности американских спецслужб к минированию никарагуанских морских портов. В конце 1984 г. конгресс принял решение, ограничившее размеры военной помощи «контрас» суммой в 24 млн долл.

В 1984 г. в избирательной кампании вопросы отношений со странами Центральной Америки занимали видное место в полемике кандидатов от обеих ведущих партий США. Демократы, стремившиеся предложить программу действий, отличную от курса республиканского правительства, добились принятия второй поправки Боулэнда к закону о военных ассигнованиях, где было записано: «В течение 1985 финансового года никакие фонды Центрального разведывательного управления, министерства обороны или любого другого ведомства Соединенных Штатов, участвующего в разведывательной деятельности, не могут быть использованы для оказания прямого или косвенного воздействия на военные или полувоенные операции в Никарагуа со стороны любой страны, группы, организации, движения или частного лица». «Контрас», временно лишенным «легальной» американской помощи, грозило оказаться на голодном пайке. Такого их радетели из администрации Рейгана допустить не могли. Начался поиск различных путей обхода введенных конгрессом ограничений, и здесь на сцену вновь вышел СНБ.

В Капитолии полагали, что СНБ относится к числу американских ведомств, «участвующих в разведывательной деятельности». В приказе исполнительной власти № 12333, касавшемся вопросов контроля конгрессом за проведением тайных операций, он также определяется как «высший исполнительный орган, который обеспечивает оценку, руководство и управление всей национальной разведкой за рубежом». Казалось бы, совершенно ясно, что решение конгресса распространяется и на СНБ. Однако администрация сочла, или во всяком случае сейчас так считает, что поправка Боулэнда к СНБ не относится. На его штат Рейган и решил переложить основные полномочия по оказанию помощи «контрас».

В настоящее время о никарагуанском аспекте «иран-контрасгейта» известно гораздо меньше, чем об иранском. И это вполне объяснимо. Поддержка «контрас» созвучна основным устремлениям американского правящего класса подавить силы социального прогресса и независимости в мире. Это объявленная позиция администрации, которую поддерживают в этом вопросе широкие круги бизнеса, значительная часть средств массовой информации. Оппозиция антиникарагуанскому курсу Рейгана в политическом истеблишменте США, в том числе в конгрессе, носила скорее тактический характер, отражала неприятие отдельных методов деятельности правительства, но отнюдь не свидетельствовала о симпатиях к революции в Никарагуа. Поэтому расследование обстоятельств нелегальной помощи «контрас» имело скорее целью успокоить общественное мнение, нежели разобраться в деталях тайных операций, которые Соединенные Штаты, судя по всему, собираются проводить против Никарагуа и дальше.

Из имеющихся скудных документально подтвержденных данных явствует, что вездесущий подполковник Норт взялся за решение проблем «контрас» по крайней мере в сентябре 1984 г., хотя, вне всякого сомнения, сотрудники СНБ и ранее принимали самое прямое участие в этом деле. 2 сентября Норт докладывал Макфарлейну об итогах воздушной атаки контрреволюционеров на Никарагуа и просил помощника президента по национальной безопасности разрешить ему поиск частных лиц, которые могли бы покупать «борцам за свободу» (так в США принято называть сомосовских головорезов) вертолеты. Вскоре Норт делился с Макфарлейном своими соображениями по поводу предоставления А. Калеро (одному из главарей банд «контрас») американской разведывательной информации.

В начале 1985 г. по поручению СНБ генерал ВВС США в отставке Джон Синглауб направился в поездку по Азии, где пробовал выбивать деньги для «контрас». В результате его усилий марионеточные режимы в Южной Корее и на Тайване «предложили оказать помощь» в размере как минимум по 10 млн долл. Синглаубу была дана команда напрямую свести их пред-

ставителей с Калеро. В марте 1985 г. Синглауб посетил базы «контрас» и обещал их главарям прислать на подмогу дополнительных американских военных советников. По согласованию с аппаратом СНБ их начали набирать в целях конспирации из числа отставных военных и сотрудников ЦРУ.

Достоянием гласности стал меморандум Норта, направленный им 5 марта Макфарлейну, Шульцу, Уайнбергеру, Кейси и председателю Объединенного комитета начальников штабов Джону Весси, где содержался план поставок оружия «контрас» несколькими партиями начиная с 10 марта. Без всяких задержек он был претворен в жизнь. В том же меморандуме предлагалось увеличить размеры американской помощи некоей стране (название ее из документа вымарано, но сейчас ясно, что речь шла о Саудовской Аравии) в награду «за огромную помощь, которую она предоставляет никарагуанским борцам за свободу».

Норт вместе с Сикордом контролировали разветвленную сеть неправительственных организаций, занимающихся сбором средств для «контрас» и снабжением их оружием, которую сам подполковник называл «Проектом демократии». Помните, еще в 1982 г. Рейган развернул широкую кампанию по распространению «идеалов американской демократии по всему миру», для чего предложил принять программу «Проект демократии». В 1983 г. конгресс США ассигновал деньги на ее реализацию, которые пошли на поддержку проамериканских группировок в различных странах. Комиссия Тауэра не нашла никакой связи между «проектами» Норта и Рейгана. Но репортеры в США были иного мнения. «Ньюсуик» сообщал, что официальный «Проект демократии» помимо «надводной», открытой части включал в себя и целый план проведения тайных подрывных операций против неугодных Вашингтону правительств, за реализацию которого отвечал Норт. Один из бывших руководителей «Проекта демократии» сообщал журналу: «Все, что СНБ делал тайне, предназначалось для поддержки официальной программы». Созданная в предшествующие годы во многих государствах сеть органов «Проекта демократии» пришлось Совету национальной безопасности как нельзя кстати для операций в помощь «контрас».

В рамках «Проекта демократии» осуществлялись создание складов боеприпасов вблизи границ Никарагуа, покупка самолетов, морских судов, джипов, радиопередатчиков и другой военной техники для «контрас». С целью их снабжения на севере Коста-Рики компанией «Юдалл корпорейшн» был построен секретный аэродром, куда приземлялись также для ремонта самолеты и вертолеты, поврежденные зенитным огнем над территорией Никарагуа. Правительство Коста-Рики в 1986 г. собралось заявить о запрещении использовать аэродром для нужд «контрас». Однако Норт и посол США в этой стране связались с ее президентом Ариасом, уговаривали его не делать такого шага, а по некоторым

имеющимся данным, угрожали прекращением американской экономической помощи. Осенью 1986 г. Коста-Рика приняла решение о закрытии аэродрома.

Всего в сеть «Проекта демократии» было объединено более 20 частных корпораций. Ряд из них (в частности, специально созданная в мае 1985 г. компания «Лейк рисорсез», через нее перекачивалась львиная доля средств «Проекта демократии») выступали в качестве каналов движения денег, предоставляя в распоряжение Норта и Сикорда свои банковские счета. Другие, типа панамской «Юдалл корпорейшн», оказывали необходимые предпринимательские услуги. Третьи — переправляли оружие.

Существовали и многие частные фонды, в основном поставщики финансовых средств. 16 марта 1985 г. Норт предлагал Макфарлейну «переименовать один из нескольких существующих фондов, которые мы создали в течение прошлого года (курсив мой.— В. Н.), в Никарагуанский фонд свободы. Нескольким надежным американским гражданам должно быть предложено стать членами совета директоров корпорации» вместе с лидерами «контрас». Фонду, который освобождался от уплаты налогов, предстояло играть роль главного координирующего центра по оказанию «частной» помощи антиникарагуанским силам. Имелись и другие организации. О некоторых из них дает представление маленькая диаграмма, сохранившаяся на полях одного из посланий Норта. На ней от подполковника проведена стрелка к директорам фонда «Вестерн голс» Линде Гьюел и фонда «Национальный совет обороны» Эндрю Мэссингу (под их фамилиями написано «деньги»). От Гьюел стрелка тянется к некоему гражданину США Роберту Оуэну (под ним стоит слово «оружие»), известному своими связями с «контрас». Норт неоднократно встречался с этими людьми в 1984—1985 гг. вместе с Синглаубом и Калеро. Размеры «частного» финансирования «контрас» постоянно росли. Норт сообщал Макфарлейну и Весси, что по нелегальным каналам одному только Калеро с июля 1984 по февраль 1985 г. ежемесячно поступало по 1 млн долл., а с 22 февраля по 9 апреля 1985 г.— 16,5 млн. Из общей суммы 24,5 млн долл. более 17 млн пришлось на вооружение. Но руководством СНБ этого казалось недостаточно. Ставилась цель срочно раздобыть еще 15—20 млн, чтобы довести число «контрас» до 30—35 тыс.

Эти деньги вскоре были получены. Источником их поступлений Макфарлейн назвал комиссии Тауэра «иностранные официальные лица» (установлено, что это был представитель правительства Саудовской Аравии), которое согласилось вносить добровольные «пожертвования» и которому Норт сообщил номера банковских счетов «контрас» в городе Майами во Флориде. Из этого источника, как свидетельствовали Уайнбергер и Весси, в 1985 г. было получено по меньшей мере 25 млн долл.

В августе 1985 г. радетели «контрас» вздохнули с некоторым облегчением. Конгресс после многомесячного давления на него администрации ассигновал 27 млн. долл. для оказания «гуманитарной», то есть строго невоенной, помощи никарагуанским «борцам за свободу» на период до 31 марта 1986 г. Всем было ясно, что разница между «гуманитарной» и военной поддержкой была чисто условной. В любом случае «контрас» получали деньги для борьбы за свержение сандинистского правительства.

Но, с другой стороны, некоторые конгрессмены, чтобы сохранить свое «независимое» от Рейгана лицо, решили отреагировать на неоднократно появлявшиеся в прессе сообщения о причастности СНБ и его сотрудника Оливера Норта к финансированию «контрас» вопреки прямому запрету конгресса. Осенью 1985 г. на стол Макфарлейна один за другим ложились запросы по этому поводу от ряда членов палаты представителей, на которые помощник президента по национальной безопасности неизменно давал полные невинности ответы. Вот строки из письма Макфарлейна председателю постоянного комитета по разведке палаты представителей Ли Гамильтону от 7 октября 1985 г.: «Никто из сотрудников аппарата СНБ не имеет никакого официального или неофициального отношения к сбору средств для никарагуанской демократической (!) оппозиции». Гамильтон также специально интересовался: «Не давал ли когда-нибудь Оливер Норт советов отдельным лицам, как они могут предоставлять деньги повстанцам?» Макфарлейн под этим вопросом поставил категоричное: «Нет». Таким же был его ответ и на запрос конгрессмена Ричарда Дэрбина от 21 октября: «Предпринимаются ли сейчас какие-либо усилия в администрации для содействия отправке частных дотаций контрас?» Макфарлейн просто врал и сейчас этого уже не отрицает.

Доставка оружия «борцам за свободу» тем временем продолжалась полным ходом. В ноябре 1985 г. Норт договорился с ЦРУ о выделении ему самолета, который должен был сбрасывать военные материалы уже непосредственно на территорию Никарагуа, где действовали банды «контрас». Но отправку самолета пришлось задержать, поскольку он срочно понадобился генералу Сикорду в Португалии для пересылки в Иран ракет «Хок» из Израиля. Иранская и никарагуанская линии аферы пересеклись, чтобы впредь стать двумя сторонами единого «иран-контрасгейта». Вскоре и два отдельных оперативных кода, которые Норт использовал для параллельного руководства операциями в отношении Ирана и Никарагуа, для простоты дела были заменены одним, общим. Состоялось слияние и участников обеих операций в объединенную команду.

После возвращения самолета ЦРУ из Ирана грузы для «контрас» были спешно отправлены по назначению. Норт счел своим

долгом извиниться за непредвиденную задержку перед Калеро. У того, надо полагать, не было оснований из-за этого обижаться и жаловаться на нехватку американских денег и оружия. По имеющимся данным, в 1982—1985 гг. только спецслужбы США истратили на подрывную деятельность против Никарагуа около 500 млн долл. Их жертвами стали 12 тыс. никарагуанцев, в основном мирных жителей. Так что приоткрывающаяся в настоящее время в связи с аферой «Иран-контрас» завеса над деятельностью аппарата СНБ позволяет разглядеть лишь фрагмент из широкой панорамы политики государственного терроризма США, нацеленной против суверенной Никарагуа.

В конце 1985 г. дебаты вокруг «контрас» вновь активизировались в конгрессе и были приняты два противоречащих друг другу решения: с одной стороны, действие поправки Боулэнда продлевалось на весь текущий финансовый год, то есть до 1 октября 1986 г.; с другой — в законе об ассигнованиях на нужды разведки предусматривалось выделение ЦРУ засекреченной суммы на «обучение» «контрас» и «поддержание связи» с ними.

Ассигнованных средств, считала администрация, было явно недостаточно. В январе 1986 г. Рейган запросил у конгресса еще 100 млн долл. на прямые военные поставки «контрас». Но борьба вокруг этого требования в стенах Капитолия приняла затяжной характер. К апрелю истек срок, в течение которого США могли субсидировать «борцов за свободу» под флагом «гуманитарной» помощи. Норт писал другому сотруднику СНБ: «Картина мрачная, если мы не найдем источника для финансирования «моста». Нам надо срочно исследовать эту проблему, а то нам некому будет помогать, когда конгресс примет решение». Вот тут-то и возникла идея использовать деньги, вырученные от продажи оружия Ирану.

Горбанифар припоминал, что в те дни, когда обсуждались детали отправки первой партии ракет ТОУ, Норт и Сикорд выглядели очень озабоченными. Но они буквально на глазах воспряли духом, когда Горбанифар согласился выкладывать за каждую ракету по 10 тыс. долл. вместо предварительно оговоренной суммы в 6,5 тыс. Сделка с Ираном породила настоящий фонтан неподотчетной наличности: 6,3 млн долл. от продажи февральской партии ТОУ, 8,5 млн — за запчасти к ракетам «Хок» и 5 млн — за ТОУ, отправленные в октябре 1986 г., то есть около 20 млн долл. Норт сообщал министру юстиции Мизу, что в феврале со счета в швейцарском банке на нужды «контрас» было снято 3—4 млн долл. и какая-то доля выручки от продажи запчастей. Часть этих денег поступила на счета антиникарагуанских групп в том же швейцарском банке, другая — уплыла в Израиль, где в основном закупалось оружие, которое различными путями переправлялось в Центральную Америку.

Переправку оружия осуществляли несколько подставных авиакомпаний. Крупнейшей из них была «Сазерн эйр трэнспорт», до 1972 г. принадлежавшая ЦРУ официально, а сейчас — неофициально. Документация министерства транспорта США показывает, что эта компания из Майами перевезла свыше 400 тонн груза на авиабазу Илопанго в Сальвадоре, отправной пункт для многих «рейсов» с поставками для «контрас» с января по май 1986 г. Когда в разгар «ирангейтского» скандала стало известно, что самолеты «Сазерн эйр трэнспорт» появлялись в небе Никарагуа, государственный департамент США заявил, что они использовались якобы в связи с «гуманитарной» помощью. При этом госдеп снимал с правительства Соединенных Штатов ответственность за то, что после разгрузки «законного» товара в Илопанго те же самолеты брали на борт боеприпасы, оружие и сбрасывали их «контрас» в Никарагуа. Другой подставной компанией была фирма «Корпорейт эйр сервис». Именно от нее получал жалованье Ю. Хазенфус, который был захвачен в плен, когда его грузовой самолет «С-123К» сбили в Никарагуа 5 октября 1986 г. Кстати, это был тот самый самолет, который ЦРУ в 1984 г. использовало для организации провокации с целью «доказать», будто сандинисты торгуют кокаином. Хазенфус в ходе судебного процесса над ним подтвердил, что ЦРУ руководило обширной операцией снабжения «контрас», предусматривавшей до 70 полетов. Свой вклад вносила и «Америкэн маркетинг энд консалтинг инкорпорейтед», директором которой был... отставной генерал Сикорд. Компания закупила несколько самолетов «Мол», и репортеры не раз замечали их в Агуакате, аэродроме в Гондурасе, известном как центр проведения операций по снабжению «контрас».

Все эти и, вероятно, многие другие авиакомпании перевозили грузы, которые были приобретены не только на «иранские» деньги, но и на «частные» вклады и тайные средства различных американских спецслужб. Комиссия Тауэра установила, что Норт с вedomо Пойндекстера лично распоряжался заброской по крайней мере девяти крупных партий оружия «контрас» в начале 1986 г. Но СНБ этим не ограничивался. В мае 1986 г. Норт обсуждал с помощником президента по национальной безопасности план генерального наступления «борцов за свободу», при американской поддержке, с целью захвата части территории Никарагуа и провозглашения там «независимого правительства», которое обратилось бы к Вашингтону с «просьбой» об отправке туда войск США. О плане хорошо было известно и в государственном департаменте, но его сочли «нереалистичным», учитывая явную слабость «контрас».

Весной и летом 1986 г. мероприятия по снабжению «контрас» приобрели такой размах, что их уже невозможно было скрыть от посторонних глаз. 16 мая Норт писал Пойндекстеру: «Чем

больше у нас оказывается денег (а через несколько дней их будет гораздо больше), тем более заметной становится программа (самолеты, пилоты, оружие, поставки и т. д.) и тем больше вопросов задают люди. Меня не волнует, что они скажут обо мне, но все это может обернуться политическими затруднениями для президента и для вас. Значительной доли риска можно избежать, если мы просто спрячем операцию за дозволенные действия ЦРУ». Речь шла о полученном ЦРУ разрешении «обучать» и обеспечивать связь с «контрас». Пойндекстер советовал Нарту еще больше законспирироваться, чтобы до его тайных операций не докопались в конгрессе, где все чаще заявляли, что в нарушение поправки Боулэнда администрация продолжает военную помощь антиникарагуанским формированиям. «Я боюсь, что вы делаете свою роль в операции слишком открытой, — предупреждал Пойндекстер. — С настоящего момента вы не должны говорить о ней никому, кроме меня, даже Кейси. Вам надо спокойно продумать для прикрытия историю, что я заставляю вас остановиться». Нарту уже тогда, по существу, предписывалось взять на себя роль «козла отпущения». Макфарлейн, прекрасно осведомленный о незаконной деятельности подполковника, писал Пойндекстеру: «Становится все более очевидно, что левые в демократической партии начинают охоту за Нартом, готовясь к возмездию в год выборов, и рано или поздно они его выследят — слишком много людей из числа наших доноров и из администрации разговаривают с репортерами». Политическое чутье не подвело Макфарлейна. 24 июня палата представителей, где большинство принадлежало демократам, приняла специальную резолюцию, которая требовала от Рейгана предоставить «некоторую информацию в отношении деятельности подполковника Норта или любого другого сотрудника аппарата Совета национальной безопасности в поддержку сил сопротивления» в Никарагуа. В июле подполковник предложил Пойндекстеру начать свертывать участие СНБ в снабжении «контрас» и вручить все его «хозяйство» ЦРУ после выделения конгрессом столь желанных Белым домом 100 млн долл. «Мы быстро приближаемся к моменту, — полагал Норт, — когда имущество «Проекта демократии» в Центральной Америке должно быть передано ЦРУ для использования в новой программе. Общая его стоимость (шесть самолетов, склады, провиант, ремонтные предприятия, корабли, катера, арендованные постройки, автомобили, артиллерийские орудия, боеприпасы, средства связи и посадочная полоса (в Коста-Рике. — В. Н.) длиной 6520 футов...) составляет более 4,5 млн долл. Все это имущество находится во владении и военный персонал оплачивается зарубежными компаниями, не имеющими прямой связи с США. Все оборудование в первоклассном состоянии...» 6 августа Норт сам пошел объясняться при закрытых дверях с комитетом по разведке палаты представителей. Показания его сводились к следующему: с «конт-

рас» Норт «имел контакты для вооружения их жизнеспособной, демократической политической стратегией... не давал военных советов, не был в курсе никаких военных операций»; не давал указаний Синглаубу и не видел его 20 месяцев; Оуэн никогда не работал с Нортом и не получал от него указаний. По возвращении из конгресса подполковнику вручили записку Пойндекстера: «Прекрасно сработано!»

Норт вновь приступил к своим «обычным» обязанностям. Известно, что в сентябре 1986 г. он обсуждал с министром обороны Израиля И. Рабином и А. Ниром операцию по доставке в Центральную Америку из Израиля большой партии оружия неамериканского производства, с тем чтобы еще больше закамуфлировать участие США в снабжении «контрас» (корабль с этим оружием вышел позднее из Израиля, но его повернули назад, когда в США разразился «ирангейт»).

Осенью 1986 г. администрация Рейгана, казалось, могла перевести дух. Выкручиванием рук одним законодателям и веле-речивыми обещаниями другим президент добился от конгресса выделения для «контрас» 100 млн долл. Агрессивные акции Соединенных Штатов против революционной республики фактически перестали быть необъявленной войной.

Теперь СНБ мог обойтись без перевода дивидендов от продажи последней партии оружия Ирану на нужды «контрас». Эти деньги, как и значительная часть ранее вырученных от сделок с Ираном средств, пошли на другие цели. Об их судьбе до сих пор нет никаких документально подтвержденных данных. Основываться можно только на свидетельствах американских журналистов, которые проводили собственные расследования «иран-контрасгейта». А они, как это было в случае с убийством Джона Кеннеди, Мартина Лютера Кинга, с «Уотергейтом», могут быть порой более глубокими и обстоятельными, нежели анализ официальных комиссий.

Газета «Вашингтон пост» сообщила, что часть денег была помещена на контролируемый ЦРУ счет в швейцарском банке, с которого их снимали для финансирования афганских душманов, а также отрядов Ж. Савимби, воюющих с законным правительством в Анголе. Ссылаясь на «высокопоставленного сотрудника администрации», газета писала, что на этом счете уже лежали 250 млн долл. из Соединенных Штатов и Саудовской Аравии. Помещение «грязных» денег от продажи оружия Ирану вместе с этими фондами, по оценке «Вашингтон пост», было «глупой» ошибкой нетерпеливого сотрудника ЦРУ, который не стал ждать открытия отдельного счета.

Журналисты другой газеты — издающейся в Массачусетсе «Лоуэлл сан» — преподнесли еще одно сенсационное разоблачение, вскоре подхваченное и грандами американских средств массовой информации. Выяснилось, что Норт помогал одному

из ультраправых комитетов, политических действий с целью нанести поражение на промежуточных выборах в конгресс в 1986 г. противникам предоставления военной помощи «контрас». Это был малоизвестный (известные все на виду) «Национальный фонд за сохранение свободы» во главе с Карлом Чэннелом, который, как сообщают, пополнил свои активы на 5 млн долл., полученных от продажи оружия Ирану. Деньги поступили в избирательную казну «ястребов» — сенаторов П. Хокинз из Флориды и Дж. Дентона из Алабамы, а также члена палаты представителей К. Кремера от Колорадо, который намеревался занять место, освобожденное сенатором-демократом Г. Хартом. Газета «Майами геральд» установила, что Чэннел встречался с Нортотом в 1986 г. «пять или десять раз» и что в ряде случаев подполковника сопровождал директор отдела связей Белого дома Патрик Бьюкенен. Позднее в прессе появилось сообщение, что Чэннел передал конгрессовским «ястребам» не все средства, что около 1,5 млн долл. он перевел на счета «контрас» в швейцарском банке.

Читатель, наверное, обратил внимание, что в истории с нелегальным финансированием и руководством операциями «контрас» почти не фигурирует имя Рейгана. Президент упорно отрицает свою осведомленность о тайных операциях в поддержку антиникарагуанских сил и о том, что им переводили доходы от иранской аферы. Ни комиссия Тауэра, ни журналисты не смогли (или не захотели) обнаружить ни одного документа, который бы прямо опровергал слова Рейгана. Однако косвенных и свидетельских показаний не в его пользу предостаточно.

О всех операциях Норта в деталях знали и Макфарлейн, и Пойндекстер, которые каждое утро виделись с президентом и информировали его о деятельности СНБ. Невозможно допустить, что об аспекте, связанном с «контрас», они никогда не упоминали. Макфарлейн ничего вразумительного по этому поводу не говорит. Но агентство ЮПИ приводило сообщение, согласно которому Пойндекстер по крайней мере дважды докладывал Рейгану, что доходы от продажи оружия Ирану используются для нужд «контрас».

В марте 1985 г. Норт направил докладную Макфарлейну, где просил его уговорить президента принять личное участие в кампании по сбору частных средств для подрывных действий в Никарагуа. Макфарлейн написал под документом: «Пока не надо». Но хорошо известно, что весной того же года Рейган действительно выступал на ряде собраний и банкетов, доходы от проведения которых пошли в фонды «контрас». Сохранилась копия подготовленного Нортотом в апреле 1986 г. плана антиникарагуанских мероприятий, который предназначался Рейгану и под которым президент должен был поставить «одобряю» или «не одобряю». Оригинал с резолюцией Рейгана разыскать не уда-

лось, но есть все основания полагать, что план он читал и одобрил.

Еще один факт. Отчет о поездке Макфарлейна в Тегеран, который Пойндекстер носил в Овальный кабинет для доклада Рейгану 27 мая 1986 г., в архиве СНБ сколот скрепкой с мемурандумом Норта о переводе «иранских» денег «контрас».

Об информированности президента свидетельствуют и два других сохранившихся послания Норта. В одном из них, от 16 мая 1986 г., он мимоходом замечает Пойндекстеру: «Президент, конечно, знает, почему он встречался с некоторыми избранными людьми и благодарил их за поддержку демократии в Центральной Америке». Конечно, Рейган не мог этого не знать, принимая в своем кабинете крупнейших поставщиков оружия для «контрас». В послании, адресованном Макфарлейну, Норт 12 октября 1986 г., как о само собой разумеющейся вещи, писал, что поставил президента в известность о приглашении им адвоката для защиты в суде Никарагуа пилота Ю. Хазенфуса. Вряд ли Рейгана могла заинтересовать такая информация, если бы он не ведал, какую именно миссию выполнял Хазенфус.

Очень вероятно, что будущие расследования выявят и другие улики. Но и имеющихся уже сейчас вполне достаточно, чтобы с достоверностью говорить о прямом участии Рейгана в незаконных акциях против Никарагуа.

Подозреваются все

Казалось бы, Соединенные Штаты невозможно удивить противоправными действиями их правительства. Американцы были свидетелями десятков крупных и масштабом помельче политических скандалов. Учитывая достаточно большую личную популярность Рейгана, логично было предположить, что и конгресс, и пресса закроют глаза на юридические прегрешения администрации, тем более что слухи о тайной помощи «контрас» и о контактах с Ираном давно ходили в Вашингтоне.

Почему же «иран-контрасгейт» не удалось замолчать или по крайней мере свести к банальной политической интриге?

Порой можно было слышать мнение, будто виной всему «уступчивость» Рейгана русским в Рейкьявике, которая якобы испугала ультраправых и военно-промышленный комплекс в США. Отсюда, мол, и стремление сил реакции припугнуть президента. С такими суждениями нельзя согласиться. Ведь никакого серьезного отступления от позиций американского ВПК Рейган не допустил, да и кто может всерьез поверить в его «просоветские» взгляды?! Напротив, как следует из неоднократных высказываний признанных лидеров ультра, они очень обеспокоены «ирангейтом» именно с той точки зрения, что президент в поисках спасения может начать делать реверансы в сторону либералов и проявлять «мягкость» на переговорах с СССР по проблемам контроля над вооружениями. Так что причины превращения аферы в громкий скандал кроются в другом.

Прежде всего, Рейган явно перегнул палку, нарушил многие правила традиционной политической игры в Вашингтоне. Даже ко всему привыкшие граждане и политическая элита США не любят, когда президент водит их за нос, нарушая при этом законы. «Существовала тщательно разработанная система, которая была призвана обеспечить проведение операции втайне от прессы, конгресса и даже многих людей в правительстве», — негодовал журналист Р. Вудвард, в свое время сыгравший большую роль в распутывании клубка «уотергейтских» событий. Белый дом проигнорировал конгресс, нанеся законодателям тем самым чувствительное оскорбление. «Ковбои в Вашингтоне», — подчеркивала «Вашингтон пост», — превратили в предмет насмешки обязанности конгресса по контролю, отвергли принципы совместного участия исполнительной и законодательной властей в формировании политики и презрительно действовали в обход существующих институтов власти».

Большая пресса была раздражена, что последней узнала о важных внешнеполитических акциях правительства. В правящих кругах США распространились небезосновательные опасения, что шаги администрации подорвали престиж Соединенных Штатов на международной арене, в том числе и в союзных им государствах. Действительно, западные партнеры США выражали возмущение политикой «двойного стандарта» Вашингтона, который призывал их соблюдать строгое эмбарго на продажу оружия Ирану, а сам торговал с ним. Политика Рейгана напугала и руководителей ряда арабских стран, которые расценивали американские сделки с Тегераном как готовность Соединенных Штатов согласиться с победой Ирана в ирано-иракском конфликте.

Следует заметить, что в потоке критики, который обрушился на администрацию, не было слышно осуждения целей рейгановской политики. Правящий класс США понимает геополитическое значение Ирана и поддерживает идею «вернуть» его в орбиту влияния Запада. Един он и в неприятии сандинистского правительства Никарагуа. Все претензии к Рейгану связаны с методами реализации поставленных им задач. Дипломатию, в принятом понимании этого слова, президент подменил авантюрами, причем сработанными очень топорно и не достигшими своей цели. «Иранская инициатива, — было записано в отчете комиссии Тауэра, — прямо противоречила политике самой администрации по вопросам терроризма, ирано-иракской войны и неоказания военной помощи Ирану. Это противоречие никогда не было преодолено, и результаты этой непоследовательности полностью не оценивались. Итогом в целом явилась политика США, которая работала против самой себя... Комиссия полагает, что «стратегическое открытие» Ирана было, вероятно, в национальных интересах, но Соединенным Штатам не следовало принимать участия в поставках оружия. Обменом оружия на заложников они не могли не создавать стимулов для захвата новых заложников... Деятельность штата СНБ в поддержку контраст способствовала достижению важной внешнеполитической цели администрации. Но это привело ее к прямому конфликту с политикой конгресса». Иными словами, в глазах американской политической элиты Рейган виноват лишь в том, что прибег к непрофессиональным и грубым средствам достижения «справедливых» и нужных целей.

У широких общественных кругов США в отличие от истеблишмента осуждение вызывали не только отдельные негодные методы реализации правительством его внешнеполитического курса. Американцев не на шутку напугало общее мирозерцание администрации, которая способна не только растоптать конституционные нормы своей страны, но и совершать безрассудные поступки, чреватые опасными международными конфликтами. Афера «Иран-контраст» выветила проблему некомпетентного руководства со

стороны Рейгана всей внешней политикой государства, без учета и в разладе с мировыми реалиями. В Америке все больше людей приходят к пониманию того, что мир непостижимо более сложен, нежели представления о нем в Белом доме. Рейган говорил, что он «ошибся», давая согласие на продажу оружия Ирану. Но американцы не уверены, что подобная «ошибка» не произойдет и в вопросах куда более серьезных. Не случайно на одной из «ирангейтских» карикатур Рейган изображен на фоне дымящихся развалин Вашингтона, где он выступает с извинениями по поводу «ошибки» в разработке программы СОИ.

В США смирились с тем, что любой мало-мальский политик не может обойтись без лицемерия. Но «иран-контрасгейт» был поистине апофеозом лицемерия, его дозы превысили все допустимые в американской политической жизни нормы. И суть не только в том, что администрация делала не то, что говорила. Когда афера вскрылась, администрация и говорила не так, как было на самом деле. Из Белого дома на страну обрушилась прямо-таки лавина лжи и дезинформации.

Поначалу Рейган, судя по всему, надеялся, что все обойдется, и потому дал своим подчиненным команду молчать, чтобы не ставить под угрозу дальнейшее проведение операции. На совещании с Пойндекстером 6 и 7 ноября он решил не делать никаких комментариев. Сейчас президент объясняет свое поведение тем, что он якобы не хотел ставить под удар «второй канал» и американских заложников. 10 ноября для обсуждения положения собралось все руководство СНБ. Было решено, что страусиную позицию занимать больше нельзя: страна кипит и требует разъяснений. Президент должен выступить с обращением.

Три дня его речь писалась и переписывалась, и вот 13 ноября Рейган появился на телеэкранах. Президент поведал следующее: «Соединенные Штаты не раздавали корабли и самолеты, полные американского оружия, в обмен на американских заложников... Скромные поставки, вместе взятые, легко могли бы поместиться в один транспортный самолет... Акции, на которые я дал разрешение, были и останутся в полном соответствии с федеральными законами... Мы не торговали, повторяю, не торговали оружием в обмен на заложников и никогда не будем». Но американцы уже тогда из газет знали, что все это неправда. Знали они и многое другое, в частности то, что еще в 1985 г. оружие с благословения администрации пересылалось в Иран из Израиля. В день выступления по телевидению Рейган предпочел не встречаться с журналистами, и за него отдувался Пойндекстер. Репортеры забросали его вопросами о роли Израиля, но помощник президента по национальной безопасности упорно отрицал факт продажи оружия через «третьи страны».

Штат СНБ в это время тоже не сидел сложа руки. По указанию Дональда Ригана сотрудники работали над составлением

«хронологии» событий прошедших двух лет. Их было изготовлено несколько, и все они противоречили друг другу. Макфарлейн, которого также привлекли к их стряпанью, признался комиссии Тауэра, что в них «не было полного и точного описания событий, а была предпринята попытка затуманить и сделать неясной роль президента. Они были составлены с таким расчетом, чтобы создать впечатление, будто Соединенные Штаты прямо не давали разрешения на продажу оружия из США или из Израиля от лица США». Но именно эти «хронологии» были позднее отправлены из Белого дома различным комитетам и комиссиям, расследовавшим «ирангейт».

19 ноября Рейган решил сам ответить на вопросы журналистов, надеясь поправить положение своими риторическими способностями. Пресс-конференцию он предварил обращением, где вновь повторил, что поставки умещались в одном самолете и были задуманы с целью... содействовать прекращению ирано-иракской войны. Явно не удовлетворенные разъяснениями президента репортеры попытались выяснить ряд проблем: Каковы были истинные цели «иранской инициативы»? По каким соображениям Рейган предпочел действовать в обход конгресса и вразрез с провозглашенной политикой «строгого нейтралитета» в ирано-иракской войне и официальным эмбарго на продажу оружия воюющим сторонам? Подтверждает ли президент военные поставки в Иран другими странами с санкции США? и т. д. И Рейган стал городить одну небылицу за другой. Он категорически отрицал участие Израиля в сделках с Ираном. (Через несколько часов после пресс-конференции Белый дом распространил документ, где сообщалось, что президент «оговорился» и что «одна страна была вовлечена в наш секретный проект в отношении Ирана». Американцев не очень убедило, что президент мог «оговориться» четыре раза подряд, ведь именно столько вопросов об Израиле ему было задано.) Откровенные усмешки вызвало пояснение Рейгана о мотивах поставок оружия в Иран: «Наша цель состоит в том, чтобы вернуть Иран туда, где он был раньше, то есть в семью демократических стран». В его понимании «демократия» была в шахском Иране, где царил террор тайной полиции «Савак»! Заявил президент и о том, что «...Иран не имеет власти над группировкой «Хизбалла» и поэтому поставки вооружений не были связаны с попытками освобождения заложников в Ливане». Ряд вопросов Рейган оставил без ответа, сославшись на то, что ничего не знает, поскольку все-де верховодили люди из аппарата СНБ. Итог пресс-конференции подвел один из журналистов, который прямо сказал: «Господин президент, американцы просто не верят вам».

«Магия личности» Рейгана, которая помогала ему ранее сбивать волну общественного недовольства, на сей раз явно не сработала. Пресс-конференцию покидал не прежний самоуверен-

ный и улыбающийся президент. «Он шел на подкашивающихся ногах, и его плечи сгорбились от огромной усталости», — подметил «Ю. С. ньюс энд уорлд рипорт». Рейган разочаровал страну, не развеяв сомнений в отношении его двуличия и некомпетентности. «Если он был осведомлен об этой операции, — говорил сенатор Дж. Гленн, — тогда он намеренно нарушал закон. А если президент не знал об этом, тогда он не справляется со своими обязанностями».

Полный провал Рейгана на пресс-конференции заставил его спешно менять тактику. Теперь президент решил представить себя лицом, которое в первую очередь заинтересовано в раскрытии всех обстоятельств дела. 20 ноября он предписал министру юстиции Мизу начать специальное расследование. Но никто не ожидал каких-то откровений: Миз был давним приятелем Рейгана, участником многих заседаний СНБ. Поручить ему разбирательство означало, словами сенатора-демократа Дж. Керри, то же самое, «что поручать наведение порядка в курятнике и расследование деятельности лисы самой лисе». 21 ноября президент разрешил Пойндекстеру и Кейси предстать перед комитетами по разведке сената и палаты представителей. О содержании этих закрытых слушаний мало что известно. Но члены комиссии Тауэра, державшие в собственных руках стенограмму заседания комитетов конгресса, пришли к заключению, что в своих показаниях помощник президента и директор ЦРУ «не полностью раскрыли существо событий, как они происходили на самом деле».

25 ноября мрачный, как ночь, Рейган появился перед аккредитованными при Белом доме журналистами. Он объявил об отставке Пойндекстера и увольнении Норта. Президент признал, что в политике в отношении Ирана были допущены промахи, и изложил свое решение учредить комиссию (Тауэра) для «рассмотрения роли и методов деятельности аппарата СНБ». На вопросы журналистов Рейган отвечать отказался, передав слово Мизу. И министр юстиции ошеломил собравшихся новой сенсацией. Он сообщил, что Норт направлял часть полученных от Ирана денег на секретный счет в одном из швейцарских банков, откуда они переводились «силам в Центральной Америке, выступающим против сандинистов». Скандал обрел новое измерение, превратившись из «ирангейта» в «иран-контрасгейт». Миз обещал тщательно изучить все аспекты махинаций Норта.

Уже на следующий день министерство юстиции направило агентов ФБР в офис Норта. Но бумаг они изъяли подозрительно мало. Выяснилось, что еще 21 ноября Норт, скорее всего по указанию откуда-то сверху, вместе со своей секретаршей Т. Холл уничтожил массу одних документов и перепечатал, изменив их содержание, несколько других. Подполковник был явно не единственным из главных действующих лиц аферы, кто спешно заметал следы. Не нашлись и многие записи Пойндекстера, который

неизменно протоколировал все совещания в Овальном кабинете. Обоснованно стали раздаваться голоса, что администрация сознательно пытается воспрепятствовать отправлению правосудия, а это является уголовно наказуемым деянием.

Новость о переводе денег «контрас» стала, по существу, единственным вкладом Миза в расследование. Подставив Норта, он просто попытался выдать его на заклятие как единственного виновника случившегося, выгораживая правительственную верхушку. Чем дальше, тем больше оправдывались прогнозы насчет лисы и курятника. Согласно данным «Вашингтон пост», Миз по просьбе Пойндекстера дал указание ФБР на месяц прервать разбирательство дел об участии компании «Сазерн эйр трэнспорт» в поставках оружия «контрас» и об использовании правительством выделенных на «гуманитарную» помощь 27 млн долл. для снабжения «борцов за свободу» военными материалами. Министр юстиции отказался представить документы по «иран-контрасгейту» в юридический комитет палаты представителей под предлогом, что у членов комитета, дескать, не было тогда разрешения на допуск к секретным материалам. Расследование серьезно осложнилось, когда швейцарские власти, безрезультатно прождав разрешения министерства юстиции США на допуск американских следователей к банковскому счету Норта, были вынуждены его «разморозить». Естественно, что восстановить приход и расход денег, находившихся под контролем Норта в швейцарском банке, будет весьма затруднительно.

Расследованию Миза уже мало кто доверял. К разбирательству подключились постоянные и специально созданные в сенате и в палате представителей комитеты. Под воздействием требований конгресса и общественности Рейган был вынужден назначить независимого прокурора (такие прокуроры сыграли большую роль в дни «Уотергейта») — Лоренса Уолша.

В американской элите немало противников Рейгана, которые без малейшего восторга воспринимают его «консервативную революцию» и известные авторитарные проявления в деятельности Белого дома, стремящегося возвыситься над всеми остальными центрами власти. Для многих представителей традиционного вашигтонского истеблишмента, связанных с интересами монополий Северо-Востока США и сохранивших приверженность умеренно-либеральным или умеренно-консервативным социально-экономическим и внешнеполитическим рецептам, «иран-контрасгейт» стал настоящей находкой. Он позволил им хоть немного поприжать рейгановскую «калифорнийскую мафию» и стоящий за ней капитал американского «южного пояса». Не упускает своего шанса и демократическая партия, которая после выборов 1986 г. получила большинство в обеих палатах конгресса и приложила и, уверен, будет прикладывать немало усилий, чтобы скандал не утих задолго до избирательной кампании 1988 г. «Реальность

явно превосходит даже самые безумные ожидания демократов,— говорил в начале 1987 г. политический консультант С. Скуайер, обслуживающий оппозиционную партию.— Всего год назад мы в партии думали, что Рональд Рейган вечно будет президентом. Речь шла не о том, что к нему ничего не прилипает, не о тефлоновом факторе и тому подобном. Он казался больше жизни и доминировал в политическом мышлении. Теперь все изменилось... Для демократов это значит больше, чем шанс отвоевать Белый дом. Теперь вся политическая волна поворачивается в нашу сторону».

У демократической партии действительно есть повод для оптимизма. За первый же месяц скандала популярность Рейгана в стране стремительно упала. Если в октябре 1986 г. его деятельность на посту президента одобряли 64% американцев (по отдельным опросам даже 70%), то в декабре только 47%. При этом 90% опрошенных полагали, что президент скрывает важную информацию об афере «Иран-контрас».

Мрачный отсвет скандала лег практически на всех членов «кухонного кабинета» Рейгана. Газета «Интернэшнл геральд трибюн», сравнивая нынешние события с «Уотергейтом», писала: «Когда иранское дело завершится, может оказаться, что оно ослабит правительство больше, чем «Уотергейт». И произойдет это потому, что в администрации осталось очень мало людей, не запачканных в той или иной степени». Нет, американские обозреватели всерьез не считали, что Рейган вынужден будет уйти в отставку, как это сделал Ричард Никсон в 1974 г. Хотя в палату представителей и была внесена резолюция об отстранении президента Рейгана от должности через процедуру импичмента (см. Приложение), до этого не должно дойти. Импичмент президента может серьезнейшим образом подорвать устойчивость всей общественной системы США, породить резкую политическую нестабильность. В этом правящий класс Соединенных Штатов, безусловно, не заинтересован. Вообще в истории США лишь однажды сенат рассматривал вопрос об импичменте президента — в 1868 г., когда Эндрю Джонсон открыл дорогу для реставрации власти рабовладельцев-плантаторов в южных штатах, что встретило решительную оппозицию радикальных республиканцев, не желавших пускать на ветер результаты своей победы в гражданской войне между Севером и Югом. Но даже тогда президент усидел в своем кресле. В период «Уотергейта» власть имущие в США предпочли, чтобы Никсон покинул свой пост, не дожидаясь импичмента, а впоследствии президент Форд оградил его от дальнейшего судебного преследования, даровав Никсону «полное помилование». Нет никаких оснований полагать, что импичмент угрожает Рейгану. Действительно, существенных претензий к нему у представителей монополистической элиты нет, да и с юридической точки зрения он менее уязвим, чем в свое

время Никсон. К тому же срок полномочий Рейгана в любом случае заканчивается в январе 1989 г.

Но бесспорно другое. Из никсоновского ближайшего окружения после «уотергейтской» бури удалось уцелеть и выйти сухими из воды очень многим. И государственному секретарю Г. Киссинджеру, и министру обороны Дж. Шлесинджеру, и вице-президенту Дж. Форду. А министры юстиции Э. Ричардсон и У. Рукелхауз стали даже чем-то вроде «героев», когда предпочли уйти в отставку, но не увольнять неугодного Никсону специального прокурора по «Уотергейту» А. Кокса. Что же касается Белого дома Рейгана, то никаких «героев» там просто нет, а обвинения не выдвигаются разве только в адрес министра финансов Джеймса Бейкера.

Виновность Макфарлейна, Пойндекстера, Норта никто даже не думал оспаривать. Напротив, их, в общем-то «стрелочников», целенаправленно топили сами члены администрации. Пойндекстер и Норт в этой ситуации решили хранить полное молчание, в чем встретили поддержку президента. Комиссия Тауэра попыталась призвать их для дачи показаний и, натолкнувшись на категоричный отказ, обратилась к Рейгану с просьбой властью верховного главнокомандующего США заставить адмирала и подполковника явиться на слушания. Президент ответил, что «господа Пойндекстер и Норт обладают конституционным правом не давать показаний, и это право следует соблюдать, даже если это осложняет раскрытие истины».

Макфарлейн тоже долго молчал, но потом не выдержал. Его явно готовились принести в жертву первым. Д. Риган публично обвинял Макфарлейна в том, что тот «давал паршивые советы президенту» и результатом этого явилась «паршивая ситуация». В начале февраля 1987 г. Макфарлейн сел за машинку, напечатал несколько писем с детальным изложением всех «ирангейтских» событий для заинтересованных комиссий и комитетов и принял смертельную дозу снотворного. Жизнь его удалось спасти. Переменчивое общественное мнение США вдруг воспыало симпатиями к «мученику» беспощадной администрации, они еще больше усилились, когда Макфарлейн выступил ключевым свидетелем в комиссии Тауэра.

Все же остальные непосредственные участники скандала на расположение публики рассчитывать не могли, хотя всячески доказывали свою непричастность к «иран-контрасгейту».

Директор ЦРУ Кейси знал обо всех деталях тайных операций. Норт, как стало известно, докладывал о них ежедневно, а иногда и по нескольку раз на день одному из заместителей Кейси — К. Джорджу, и тот держал в курсе своего патрона, со стороны которого никогда не было никаких возражений. Кейси ушел в отставку по состоянию здоровья. Выдвинутый ему в преемники другой заместитель директора ЦРУ — Роберт Гейтс сам

оказался по уши увязшим в «ирангейтской» грязи, и конгресс не утвердил его назначения. Затянулось обсуждение в Капитолии и кандидатуры следующего претендента на этот пост — Уильяма Уэбстера, который, будучи директором ФБР, знал и о деятельности Норта в отношении «контрас», и о продаже оружия Ирану.

Д. Риган, контролировавший состояние дел в президентском кабинете больше, чем любой другой руководитель штата сотрудников Белого дома, принимал самое активное участие в обсуждении абсолютно всех аспектов аферы «Иран-контрас». Принадлежно отрицая это, он только ускорил свое падение. В конце февраля 1987 г. Рейган решил избавиться от ставшего обременительным помощника, и Риган вышел в отставку.

Весьма малопривлекательной показалась американцам позиция, занятая Шульцем и Уайнбергером. Они все знали, но выбрали фигуру умолчания, предпочитая, чтобы жар разгребался чужими руками. «Они просто дистанцировали себя от всей программы,— заключила комиссия Тауэра.— Они защищали в этом вопросе самих себя. Они не проявили энергии и не попытались защитить президента от последствий его личного участия в освобождении заложников». Главные архитекторы внешней политики США — государственный секретарь и министр обороны — в дни «ирангейтского» скандала решили прикинуться маленькими мышками в Белом доме, где якобы погоду делали такие львы, как подполковник Норт, который на самом деле был просто слепым исполнителем приказов высшего руководства. И Шульц, и Уайнбергер усидели в своих креслах, но их репутация изрядно подмочена.

Весьма загадочной фигурой в этом деле поначалу выглядел вице-президент Джордж Буш. Он, как, впрочем, и все остальные лидеры администрации, уверял, что впервые узнал о продаже оружия Ирану и о незаконной поддержке «контрас» из газет. И до поры до времени серьезных оснований не верить ему не было. Но постепенно и Буша вывели на чистую воду. Журналисты раскопали, что команда Норта, которая называлась «оперативная подгруппа» и формально имела своим главным предназначением борьбу с терроризмом, обязана была непосредственно информировать вице-президента о своих действиях. Кроме того, два сотрудника «оперативной группы» входили в состав комиссии по борьбе с терроризмом, которую Буш возглавлял лично. В отчете комиссии Тауэра он неоднократно упоминался как участник всех важнейших совещаний, где принимались решения по американо-иранским отношениям. Для Буша это был серьезный удар. Ведь его рассматривали и рассматривают в качестве ведущего претендента на пост президента от республиканской партии в 1988 г. Избирательная борьба уже практически началась, и институты по изучению общественного мнения активно зондируют настрое-

ния избирателей. В январе 1987 г., когда причастность Буша к «ирангейту» была достаточно очевидной, но не доказанной, ему отдавали предпочтение 43% американцев при ответе на вопрос: «За кого бы вы проголосовали, если бы выборы проходили сейчас?» 45% высказались в пользу бывшего сенатора-демократа Харта. В начале марта аналогичный опрос зафиксировал уже значительное отставание вице-президента от его главного соперника — 34 : 47%.

В конце 1986 г. Ричард Никсон на основе своего «уотергейтского» опыта давал Рейгану «рецепт политического выживания»: «Надо уволить еще двух-трех помощников и резко сменить тему дискуссий». Президент последовал первой части совета, но снять пластинку с «ирангейтской» мелодией ему никак не удавалось. Накал страстей и поток все новых и новых разоблачений не ослабевали. После катастрофической пресс-конференции 19 ноября 1986 г. Рейган предпочел не искушать судьбу и прочно отгородился от репортеров стенами Белого дома. В январе 1987 г. он выступил с ежегодным президентским «посланием о положении страны» в конгрессе и до марта вновь замолчал.

В конце февраля закончила свою работу и представила отчет комиссия Тауэра. Было очевидно, что цель ее заключалась не столько в том, чтобы раскопать все до конца, сколько постараться замять скандал. Но комиссия подтвердила очень многое из того, что ранее журналисты высказывали в качестве гипотез и непроверенных данных из «достоверных источников». Факты, вышедшие из-под пера авторитетных в США расследователей, были настолько горячи, что доклад произвел впечатление взорвавшейся бомбы. Скандал получил новый мощный импульс. Индекс поддержки деятельности Рейгана опустился впервые за годы его президентства до отметки ниже 40%. В соотношении два к одному американцы не одобряли, как он ведет внешнеполитические дела. В отчете комиссии Тауэра, которая вовсе не желала наносить ущерба Рейгану, он тем не менее, по словам еженедельника «Тайм», «оказывается разоблаченным как президент, сознательно не желающий знать, что делают его помощники, близоруко не представляющий большой разницы между открытой и тайной политикой, зависимый от подчиненных, никто из которых от начала и до конца не предложил ему систематического анализа целей, средств, степени риска и возможных альтернатив. А под конец еще и как президент, который не в состоянии вспомнить, когда и как он принимал ключевые решения начать всю эту аферу с продажей оружия Ирану и принимал ли их вообще».

После выхода в свет отчета комиссии Тауэра поправить положение Рейган решил телевизионным выступлением, которое весь аппарат Белого дома готовил более недели. Его короткое, на 12 минут, обращение было сделано в таком покаянном тоне, какого из уст главы государства в США не слышали много лет.

«Позвольте мне сказать, что я принимаю на себя полную ответственность за свои действия и за действия моей администрации, — говорил президент. — Хотя я крайне возмущен действиями, предпринятыми без моего ведома, я все же несу за них ответственность. Хотя я весьма разочарован некоторыми людьми, которые служили мне, все же именно я должен отвечать перед американским народом за их поведение».

Блестящая по исполнению речь опытного актера Рейгана явно не принесла ожидавшихся им политических дивидендов. Уровень его популярности если и поднялся, то очень незначительно. 59% американцев по-прежнему считали, что президент многого не договаривает об «иран-контрасгейте», а около трети полагали, что ему всерьез следует подумать об отставке. Конгрессмен-демократ Б. Фрэнк, комментируя общественную реакцию на речь президента, справедливо заметил: «Комиссия Тауэра нашла Рейгана вовсе не отвратительным оратором, а отвратительным президентом».

19 марта, после четырехмесячного перерыва, Рейган дал согласие вновь ответить на вопросы журналистов об афере «Иран-контрас».

«Задача, стоявшая перед президентом, не была величественной, — с откровенным сарказмом писал по поводу этой пресс-конференции «Тайм». — Просто надо было доказать, что в течение получаса он способен компетентно управлять собой». С этой задачей Рейган, по отзывам репортеров, справился. Но содержание его ответов вряд ли импонировало многомиллионной телеаудитории. Президент не сказал ни слова осуждения в отношении глобального авантюризма, попрания международного права и законов самих США. Напротив, он заявил: «Если бы я с самого начала не был уверен в правильности наших действий, я никогда бы их не начал». Правда, он не оспаривал выводов комиссии Тауэра и даже обещал «больше не идти по прежней дороге». Однако общий итог пресс-конференции оказался не в его пользу. Она абсолютно никак не отразилась на степени его популярности. «Как и следовало ожидать, выбранная Рейганом линия защиты — «никто мне ничего не говорил» — не позволила проследить ни малейшего его продвижения вверх на опросах общественного мнения», — писал «Ньюсуик».

В конце марта — апреле 1987 г. можно было слышать мнение, что в «иран-контрасгейте» поставлена точка. Много, казалось бы, говорило об этом. Материалы о нем уже перестали каждый день появляться в американских газетах. Скандал потерял былую остроту. Показательно было, что даже широко разрекламированную пресс-конференцию Рейгана 19 марта решили не транслировать некоторые телекомпании, которые предпочли показать матч студенческих баскетбольных команд. Представители администрации начали уже думать, что всплеск обществен-

ного возмущения миновал и что президент может спокойно закрыть книгу «ирангейта». Сам Рейган, выступая на конференции государственных служащих, сказал: «Сегодня мы думаем не о прошедших шести годах, а о следующих двух... Мы сделаем эти два года величайшим четвертым кварталом президентства». Рейган начал реализацию второй части совета, полученного от Никсона, — «менял пластинку».

Но все же представляется, что во всей истории наступило только временное затишье. Возможно, оно сознательно срежиссировано противниками администрации из демократической партии и других групп политического истеблишмента. Не в их интересах держать страну в постоянном напряжении и пресыщать ее «ирангейтской» пищей, что может помешать остроте общественного восприятия новых блюд с разоблачениями, которые неизбежно должны последовать.

Продолжали работу специальные комитеты сената и палаты представителей, решившие объединить свои усилия. Они нашли юридический крючок, с помощью которого им удастся вытащить на свет Пойндекстера и Норта. По согласованию с прокурором Уолшем конгресс даровал им «ограниченный иммунитет». Это означает, что их показания на слушаниях не будут использованы против них самих при судебном разбирательстве дела. Получив «ограниченный иммунитет», Пойндекстер и Норт уже не смогут не предстать перед комитетами под угрозой тюремного заключения за «неуважение к конгрессу». Председатель сенатского «ирангейтского» комитета демократ Дэниел Иноуэй планирует завершить расследование к сентябрю 1987 г.

Одновременно Уолш, лишенный возможности после предоставления двум ключевым фигурам аферы «ограниченного иммунитета» опираться в суде на их собственные признания, спешит собрать улики из всех других источников. Секретарь Норта уже подтвердила под присягой, что ее шеф уничтожил относящиеся к делу документы, что можно подвести под уголовную статью о «противодействии отправлению правосудия». По имеющимся в прессе сведениям, Уолш и комитеты конгресса начали расследование с деятельности по снабжению «контрас»; судя по всему, здесь виновность отдельных представителей администрации доказать будет легче. Обход поправки Боулэнда квалифицируется с точки зрения американского права как «преступный заговор» с целью нарушения акта конгресса, и виновным полагается тюремное заключение на срок до 5 лет и штраф в 10 тыс. долл. Экспорт оружия из США в нарушение существующего законодательства наказуем двумя годами тюрьмы и штрафом до 100 тыс. долл. Так что и судебный процесс еще может обернуться для кого-то из бывших или даже нынешних обитателей Белого дома крупными неприятностями.

Расследование велось по многим направлениям. Десятки аген-

тов изучают счета «контрас» в банках Майами. Сенат большинством голосов принял решение о возбуждении дела за «неуважение к власти» против генерала Сикорда, если он откажется допустить следователей к его банковским счетам в Швейцарии и Панаме. В конце апреля закончился суд над руководителем «Национального фонда за сохранение свободы» К. Чэннелом, который в связи с его деятельностью по снабжению «контрас» был признан виновным «в заговоре с целью обмана правительства США». Чэннел открыто признал свои связи с подполковником Нортон.

Со своей стороны, Белый дом активизировал собственное разбирательство, пытаясь предугадать содержание будущих показаний Пойндекстера и других возможных свидетелей и заранее готовя соответствующую контраргументацию.

Но даже если дальнейшее расследование зайдет в тупик и мы не узнаем об афере много нового, скандал уже оказал огромное воздействие на внутривнутриполитический климат США и серьезно отразился на международном престиже (и без того невысоком) правительства Соединенных Штатов.

«Рейгановская революция» утратила былую энергию», — подчеркивал лидер большинства в сенате Роберт Бэрд. Образ «тефлонового» президента, всегда действующего «с позиции силы», сменился картинкой политика неуверенного и некомпетентного. Перед всем миром открылась бездна беззакония, авантюризма, лжи, правящих бал в современной Америке.

Быстро начало рушиться все здание идеологической мифологии, сооружавшееся ультраконсервативными силами в 80-е годы. Последние опросы общественного мнения показали, что краеугольный камень их философии — стремление к решительному уменьшению государственного регулирования социально-экономических процессов — уже не представляется привлекательным большинству американцев. Они все яснее сознают, что обострение общественных проблем диктует необходимость решительных правительственных действий. Перестают срабатывать прежние аргументы Рейгана против демократов, которые, по его словам, думают только о том, как бы повысить налогообложение для финансирования «необязательных» социальных мероприятий. Все больше людей в США понимают, что программы помощи — это та «страховочная сетка», которая может спасти их при падении в пропасть безработицы и нищеты. «В настоящее время угрозы президента вновь прибегнуть к старым обвинениям в адрес демократов, якобы желающих лишь взвинтить налоги и расходы, не представляются такими уж страшными», — писали журналисты из «Ю. С. ньюс энд уорлд рипорт». — По существу, многие лидеры демократической партии хотели бы спровоцировать президента на выдвижение подобных обвинений, поскольку уверены, что американцы сейчас поддержат рост налогов для оплаты тех программ, которые им нужны».

Серьезные сомнения вызывает способность Рейгана превратить оставшийся срок президентства в «величайший четвертый квартал». Скандал заметно ослабил позиции Белого дома перед лицом законодателей. «Конгресс не собирается следовать за Рейганом,— подчеркивал известный политический обозреватель Джеймс Рестон.— Он вступает в седьмой год президентства, имея в своем послужном списке крупнейшие в истории нашей республики годовые дефициты бюджета и внешнеторгового баланса. Соединенные Штаты сейчас покупают больше сельскохозяйственной продукции за рубежом, чем продают сами, а национальный долг больше не только, чем у любой другой страны, но и чем у всех предыдущих президентов США, вместе взятых. Одновременно с этим неправильная политика президента в отношении русских, в Центральной Америке и на Среднем Востоке расколола конгресс и разочаровала союзников. Ему не удалось по-настоящему убедить конгресс в правильности «экономики предложения» и ядерной политики в духе «звездных войн», он просто ослепил народ и запугал конгресс магией своей личной популярности, которую он теперь потерял из-за Ирана».

С первых дней работы конгресса 100-го созыва в 1987 г. стало ясно, что демократы, имеющие там большинство, захватывают инициативу в политической борьбе. Они заявили о своем намерении провести разбирательство «иран-контрасгейта» со всей тщательностью. Новый спикер палаты представителей, демократ из Техаса Джим Райт, со всей категоричностью говорил: «Совершенно очевидно и несомненно, что закон был нарушен, что было нарушено даже несколько законов». Республиканцы, стремясь хоть как-то ограничить ущерб, наносимый администрации, да и всей партии расследованием, настаивали на том, чтобы специальные комитеты в Капитолии закончили его как можно быстрее. Но демократическая фракция оставила за комитетами право опубликовать их окончательные отчеты лишь осенью 1987 г.

Демократы в конгрессе бросили вызов Рейгану по множеству вопросов — от помощи «контрас» и контроля над вооружениями до налоговой реформы и помощи бездомным. О шаткости нынешней позиции президента на Капитолийском холме свидетельствует судьба законопроектов, которые правительство без труда торпедировало в 1986 г. Так, в ноябре прошлого года Рейган наложил вето на билль о выделении 18 млрд долл. на трехлетнюю программу борьбы против загрязнения вод, сочтя это предложение «разбазариванием денег». В начале 1987 г. законопроект получил одобрение и в сенате, и в палате представителей. И опять президент наложил вето. Но на сей раз конгресс абсолютным большинством голосов преодолел вето, и проект обрел силу закона. По аналогичному сценарию развивалась борьба и вокруг билля о совершенствовании транспортной системы, который был принят в марте в обход вето Рейгана.

Начало работы конгресса нового созыва показало глубокую обеспокоенность многих его членов одержимостью администрации в погоне за военным превосходством над СССР, ее нежеланием дать конструктивный ответ на мирные советские инициативы. Демократами было внесено несколько важных законодательных предложений, имеющих целью способствовать достижению советско-американских соглашений в области разоружения: о взаимном моратории на испытания ядерных боеголовок, о сохранении и строгом претворении в жизнь Договора об ограничении систем противоракетной обороны, об ограничении развертывания и сокращении стратегического оружия США в соответствии с соглашением об ОСВ-2, о запрете на испытания американского противоспутникового оружия в космосе в 1988 финансовом году и др.

«Мы наблюдаем серьезный перелив власти от президента к конгрессу,— говорил бывший министр обороны и директор ЦРУ Дж. Шлесинджер.— Хотя, конечно, президент не стал беспомощным, но я не думаю, что он сможет восстановить контроль за национальной повесткой дня». Усиление позиций демократического большинства в конгрессе в соперничестве с исполнительной властью стало возможным во многом благодаря дезорганизации республиканской партии, в которой нашлось мало желающих вытаскивать Рейгана из трясины «иран-контрасгейта». Как замечал Элли Мейхи, консультант избирательной кампании республиканцев, «...я не могу назвать ни одного политика, который был бы настолько туп, чтобы поддерживать что бы то ни было, связанное с Ираном». Даже многие из республиканских ультра, для которых Рейган был непререкаемым кумиром, начали от него отворачиваться. «Он уже никогда не станет прежним Рейганом, он сам все взорвал,— сокрушался крайний консерватор, конгрессмен из Джорджии Ньют Гингрич.— Ему нелегко будет вновь получить наше доверие». Царившее в прежние годы между республиканской фракцией в конгрессе и президентом единство взглядов, которое позволяло Рейгану добиваться многих побед в Капитолии, похоже, ушло в прошлое. Стремлением президента хоть как-то наладить взаимоотношения с законодателями объясняют многие обозреватели назначение на пост руководителя штата сотрудников Белого дома бывшего лидера республиканцев в сенате Говарда Бейкера, пользующегося в партии большой популярностью.

«Иран-контрасгейт» внес известные коррективы в деятельность правительства Рейгана в Центральной Америке и на Среднем Востоке. Конечно, администрация и не думает менять целей своей империалистической политики в отношении Никарагуа или Ирана. Но очевидно, что происшедшие в последние месяцы сдвиги в общественном мнении США и в настроениях законодателей создают немалые препятствия для их реализации. Конгресс временно

заморозил часть из тех 100 млн долл., которые были выделены для военной помощи «контрас» в 1986 г. На следующий финансовый год президент запросил 105 млн долл., но ему очень сложно будет их получить. В Соединенных Штатах все громче звучат голоса тех, кто считает, что народу Никарагуа необходимо предоставить возможность самому решать свою судьбу без вмешательства извне. Появились признаки недовольства правительства Гондураса пребыванием на его территории антисандинистских сил. Один американский дипломат говорит: «С тех пор как вскрылось иранское дело, мы чувствуем явное усиление желания гондурасцев, чтобы «контрас» оказались где-то в другом месте — либо в Манагуа у власти, либо в Нью-Йорке и Лос-Анджелесе в качестве официантов, но только не в Гондурасе».

В период «ирангейта» администрации сложно оправдывать дальнейшие попытки «стратегического сближения» с Тегераном. Американское общественное мнение довольно недвусмысленно выразило свое несогласие с таким курсом. Не случаен всплеск недовольства, вызванный в Соединенных Штатах сообщением телекомпании Эн-би-си о том, что даже в первой половине марта 1987 г. Вашингтон продолжал поставки Ирану электронного оборудования для управления огнем средств ПВО.

Стараясь смягчить удары «ирангейтского» скандала по администрации, Рейган сейчас часто встречается с журналистами, охотно (порой и невпопад) отвечает на их вопросы, выступает с пространными речами по всей стране — от Пенсильвании до Калифорнии. «Основная цель Белого дома — показать, что мистер Рейган может не только выполнять церемониальные функции, но и быть активным президентом, осведомленным обо всех деталях», — писала в середине апреля «Вашингтон пост». Нынешний помощник по национальной безопасности Фрэнк Карлуччи не устает подчеркивать, что Рейган принимает самое непосредственное участие в обсуждении всех нюансов внешнеполитических решений.

Но потуги нового окружения президента восстановить привлекательный «имидж» администрации в стране пока явно безуспешны. А впереди новые расследования, которые могут только усугубить трудности правительства. Так что сейчас, когда пишутся эти строки, в апреле 1987 г., точку в «иран-контрасгейте» ставить еще рано...

* * *

За то время, пока настоящая работа готовилась к печати, история «ирангейта» пополнилась некоторыми новыми событиями.

5 мая ударом молотка, похожего на тот, которым пользуются на аукционах, сенатор от штата Гавайи Дэниел Иноуэй открыл трехмесячные публичные слушания в конгрессе. 11 сенаторов

и 15 членов палаты представителей, входящие в состав специальных комитетов, долго готовились к этому событию и заранее собрали документальные свидетельства, уместившиеся более чем на 100 тыс. страниц. С началом слушаний их объем стал быстро расти. Опрошенный первым отставной генерал Ричард Сикорд оказался довольно словоохотливым и, в частности, подчеркнул, что администрация, безусловно, знала обо всей операции и одобрила ее проведение. Он также указал на активное участие в ней ныне покойного бывшего директора ЦРУ Кейси.

Открытие слушаний, транслирующихся по телевидению, подняло начавший было угасать общественный интерес к скандалу. Страсти подогрел и Иноуэй, который заявил 3 мая, что Рейган знал об афере с продажей оружия Ирану и передачей вырученных средств никарагуанским «контрас» гораздо больше, чем говорил об этом ранее. К такому выводу сенатора привело изучение записей в дневнике президента, с отдельными страницами которого Рейган дал возможность ознакомиться членам специальных комитетов. «Президентские дневники,— заметил Иноуэй,— ясно показывают, что Рейган был осведомлен не только о событиях каждого конкретного дня, но и о проблеме в целом. Он, несомненно, держал высшее руководство в своих руках». Касаясь вопроса об участии главы исполнительной власти в кампаниях по сбору для «контрас» частных пожертвований консервативно настроенных лиц в США и представителей иностранных государств, Иноуэй подтвердил: «Президент знал, что эти деньги собираются для вооружения контрас, причем в тот момент, когда конгресс запретил оказание мятежникам военной помощи».

В свою очередь Рейган накануне открытия слушаний счел необходимым выступить у подножия статуи Свободы с пространной речью, которую многие в США расценили как попытку контратаки на конгресс. От покаянных слов, звучавших в его выступлениях в марте и апреле, уже не осталось и следа. «До тех пор, пока я президент,— заявил он,— я не намерен прекращать нашу поддержку... борцам за свободу в Никарагуа». Президент дал понять, что администрация готова к прямой конфронтации с Капитолием, если законодатели отклонят запрос о выделении на нужды «контрас» 105 млн долл. Он назвал предстоящее голосование по этому вопросу «самым важным» в 1987 г., обрушился с резкой критикой на тех конгрессменов, которые выступают против продолжения военной помощи антиникарагуанским силам, и утверждал, что «отсрочки и нерешительность могут вызвать лишь ненужные страдания в Никарагуа». Слова эти звучали в высшей мере кощунственно на фоне кровавых злодеяний «контрас», факты о которых в большом количестве приводятся в печати в самих Соединенных Штатах.

В речи у статуи Свободы Рейган откровенно попытался отвлечь внимание общественности от грязных махинаций его правительст-

ства с помощью излюбленного приема американских политиков — раздувания мифа о «советской угрозе». Он договорился до того, что якобы необъявленную войну в Центральной Америке ведет... Советский Союз, а Никарагуа является «государством-агрессором», угрожающим «безопасности и стабильности Западного полушария». Рейган также сказал, что «не намерен оставлять подобный кризис в наследство будущему американскому президенту», то есть фактически объявил о намерении в последние полтора года своего пребывания в Белом доме расправиться с сандинистским правительством.

Очевидно, что нынешняя вашингтонская администрация не способна воспринимать уроки собственных провалов. Обуреваемая «неоглобалистскими» амбициями, она и впредь собирается осуществлять авантюристическую политику на международной арене.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Текст проекта резолюции палаты представителей «Об импичменте в отношении Рональда Рейгана, президента Соединенных Штатов, в связи с преступлениями и правонарушениями»:

Рональд Рейган, президент Соединенных Штатов, подвергается импичменту за преступления и правонарушения, а следующие статьи об импичменте представляются на рассмотрение в сенат:

Статьи об импичменте, представленные палатой представителей Соединенных Штатов Америки от своего имени и от имени всего народа Соединенных Штатов Америки, против Рональда Рейгана, президента Соединенных Штатов Америки, в подтверждение и подкрепление импичмента против него за совершение преступлений и правонарушений.

Статья I.

На посту президента Соединенных Штатов Рональд Рейган, в нарушение своей конституционной присяги добросовестно выполнять обязанности президента Соединенных Штатов и делать все для сохранения, охраны и защиты конституции Соединенных Штатов, а также в нарушение своего конституционного долга заботиться о добросовестном соблюдении законов, утвердил и дал молчаливое согласие на поставку оружия из Израиля в Иран вопреки закону по контролю над экспортом оружия.

1) 6 августа 1985 г. или примерно тогда Рональд Рейган дал устное согласие на передачу ракет ТООУ производства США из Израиля в Иран.

2) Примерно в конце августа и начале сентября 1985 г. Израиль переправил в Иран 508 ракет ТООУ производства США.

3) От Ирана не было получено письменного обязательства не передавать это оружие без соответствующей санкции в соответствии со сводом законов США.

4) Рональд Рейган не дал имеющего силу письменного соглашения в соответствии с требованиями свода законов США.

Во всем этом Рональд Рейган действовал в нарушение доверия к нему как к президенту Соединенных Штатов и подрывал конституционное правление, нанося большой урон делу поддержания законности и справедливости и явно действуя в ущерб народу Соединенных Штатов.

В силу такого поведения Рональд Рейган заслуживает импичмента и суда, равно как и отстранения от обязанностей президента.

Статья II.

На посту президента Соединенных Штатов Рональд Рейган утвердил и дал молчаливое согласие на тайные операции Центрального разведывательного управления в нарушение закона о помощи иностранным государствам.

В ноябре 1985 г. Центральное разведывательное управление предоставило принадлежащий ему самолет и оказало другую помощь в связи с поставкой ракет «Хок» производства США в Иран без президентского заключения по разведке, требуемого сводом законов США.

Статья III.

На посту президента Соединенных Штатов Рональд Рейган отдал распоряжение не уведомлять конгресс Соединенных Штатов о продолжении передачи оружия и тайных операций в нарушение закона о национальной безопасности и закона по контролю над экспортом оружия.

1) 6 и 17 января 1986 г. Рональд Рейган подписал, а впоследствии не стал изменять или пересматривать заключения по разведке о том, чтобы не уведомлять конгресс о сделках с оружием, связанных с Ираном, которые продолжались с августа 1985 г. по октябрь 1986 г.

2) Такой отказ уведомить конгресс нарушает закон о национальной безопасности и закон по контролю над экспортом оружия (свод законов США).

На посту президента Соединенных Штатов Рональд Рейган с февраля по сентябрь 1986 г. включительно утвердил, дал молчаливое согласие или проявил опрометчивость, не предотвратив перевод прибылей от продажи оружия Ирану силам, борющимся против правительства Никарагуа, в нарушение поправки Боулэнда (государственный закон 99—169, раздел 105).

Статья IV.

На посту президента Соединенных Штатов Рональд Рейган утвердил или дал молчаливое согласие на поставку 500 ракет ТООУ производства США из Израиля в Иран 29 октября 1986 г. или около того в нарушение запрета, содержащегося в разделе 509 государственного закона 99—399 относительно передачи оружия странам, поддерживающим терроризм, типа Ирана.

Статья V.

Выполняя обязанности президента Соединенных Штатов, Рональд Рейган руководил целой системой действий исполнительной власти, противоречащих законам Соединенных Штатов, и целой системой небрежного и безответственного принятия решений исполнительной власти, включая:

1) продажу оружия Ирану, которая прямо противоречит объявленной политике исполнительной власти, направленной на борьбу с терроризмом, и объявленным процедурам исполнительной власти, регулирующим тайные операции;

2) незаконный перевод фондов сил сопротивления в Никарагуа;

3) плохо подготовленную исландскую встречу в верхах по вопросам контроля над вооружениями, состоявшуюся в октябре 1986 г.;

4) злоупотребления печатью США, которые выразились в проведении кампании дезинформации, направленной против ливийского руководителя полковника Каддафи летом 1986 г.

Во всем этом Рональд Рейган действовал в нарушение доверия к нему как президенту Соединенных Штатов и подрывал конституционное правление, нанося большой урон делу поддержания законности и справедливости и явно действуя в ущерб народу США.

В силу такого поведения Рональд Рейган заслуживает импичмента и суда, равно как и отстранения от обязанностей президента Соединенных Штатов.

Оглавление

Введение	3
Семь ступеней беззакония	6
Радетели «контрас»	32
Подозреваются все	44
Приложение	61

МАССОВО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Вячеслав Алексеевич НИКОНОВ

АФЕРА «ИРАН-КОНТРАС»

Зав. редакцией
Н. М. Сидорова

Редактор
А. З. Грабарник

Художник
В. К. Бисенгалиев

Технический редактор
Г. Д. Колоскова

Корректоры
Л. А. Айдарбекова, В. П. Кададинская

ИБ № 2863

Сдано в набор 14.05.87. Подписано в печать 27.05.87. Л—63253. Формат 60 × 88/16. Бумага офс. № 2. Гарнитура литературная. Офсетная печать Усл. печ. л. 4,0. Уч.-изд. л. 4,05. Тираж 40 000 экз. Заказ 4691. Изд. № 204 Цена 10 коп.

Ордена «Знак Почета» издательство Московского университета. 103009, Москва, ул. Герцена, 5/7

Фотонабор выполнен Экспериментальной типографией ВНИИ полиграфии. 103051, Москва, Цветной бульвар, 30.

Отпечатано в Московской типографии № 8 Союзполиграфпрома. 101898, Москва, Центр, Хохловский пер., 7. Тип. зак. 1350.

10 коп.

Никонов Вячеслав Алексеевич (род. в 1956 г.) окончил Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник исторического факультета МГУ. Автор ряда работ по новейшей политической истории США, в том числе «От Эйзенхауэра к Никсону. Из истории республиканской партии США» (М., 1984). В издательстве МГУ готовится к выходу в свет его книга «Республиканцы: от Никсона к Рейгану».